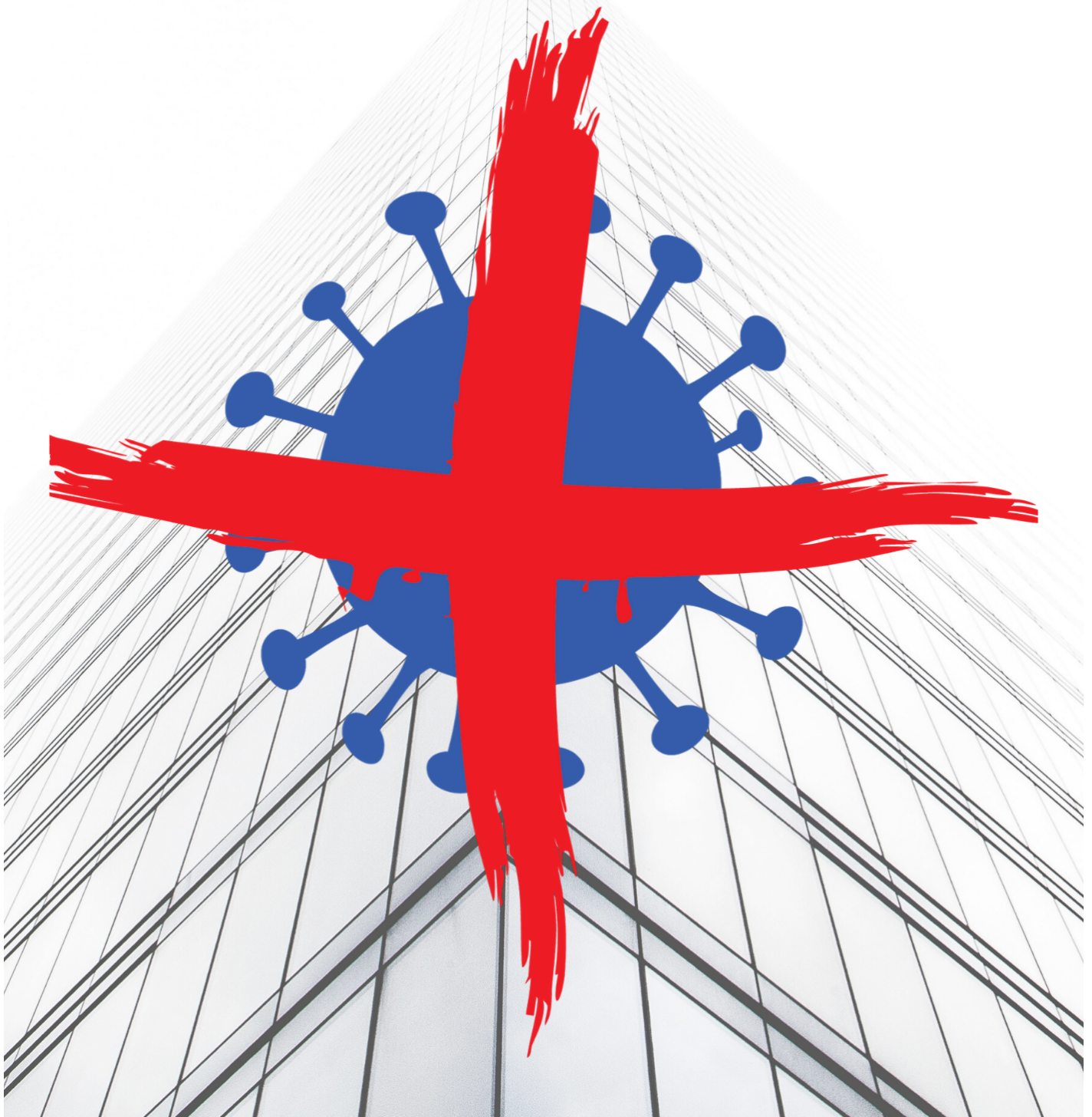

Андрей Шляхов

Доктор Данилов
В
КОВИДНОЙ больнице

Доктор Данилов

Андрей Шляхов

**Доктор Данилов в
ковидной больнице**

«Автор»

2020

Шляхов А. Л.

Доктор Данилов в ковидной больнице / А. Л. Шляхов —
«Автор», 2020 — (Доктор Данилов)

Когда коронавирусная пандемия докатилась до Москвы, доктор Данилов стал заведовать реанимационным отделением в 88-ой московской больнице, перепрофилированной на лечение ковидной инфекции. Разумеется, без приключений не обошлось – у Данилова по-другому и не бывает. Как обычно, в этой книге два главных героя – доктор Данилов и учреждение, в котором он работает. Не вставая с любимого дивана и не испытывая никаких неудобств, вы узнаете о ковидной больнице все, что хотели знать, но боялись спрашивать. Данилов с нами! Коронавирус не пройдет! Мы победим!

© Шляхов А. Л., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	13
Глава третья	22
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Андрей Шляхов Доктор Данилов в ковидной больнице

*«Царица грозная, Чума
Теперь идет на нас сама
И льстится жатвою богатой;
И к нам в окошко день и ночь
Стучит могильною лопатой....
Что делать нам? и чем помочь?»*

А. С. Пушкин, «Пир во время чумы»

*«Даже мелкая букашка может погубить благородного мужа, если
правильно выберет время и способ»
Конфуций, из неопубликованного наследия*

Ясное дело – все события вымышлены, все совпадения случайны, а за их количество автор никакой ответственности не несет и нести не может.

Глава первая

Главное, чтобы костюмчик сидел

– Держите шапочку, Владимир Александрович... Вы хоть поспать-то смогли?

– Ну, вроде того, урвал пару часиков.

– В кабинете нельзя отдыхать, покою не будет. Надо домой, то есть – в гостиницу... Вот респиратор... Даже если через несколько часов сюда, все равно нужно выспаться в спокойной обстановке...

«Ага, в спокойной, – усмехнулся Данилов, прилаживая респиратор на лице. – С такой-то слышимостью выспаться можно только с затычками в ушах, а заведующий реанимационным отделением себе такой роскоши позволить не может, потому что ему в любой момент могут позвонить из отделения».

Сосед справа храпел как беременный слон (выражение из арсенала Полянского, лучшего друга и одного из лучшего диетологов Москвы). Слева и ночью, и днем, это уж как график совпадал, кипели поистине африканские страсти. Данилов дожид до седых волос, многое повидал, но наивно считал, что столь яркая физическая любовь, с такими воплями, стонами и рычаниями, бывает только в порнографических фильмах. Оказалось, что жизнь похлеще любого фильма. И ведь не скажешь же: «эй вы там, давайте потише», и в стенку не постучишь, ведь люди шумят по весьма уважительной причине. Вот уж действительно – не было счастья, да несчастье помогло. Раньше двум врачам восемьдесят восьмой клинической больницы, у которых «кочегарился» служебный роман, приходилось встречаться урывками, потому что у обоих семьи, а сейчас всех бойцов ковидного фронта расселили по гостиницам, чтобы они домой заразу не таскали, в результате чего стало возможным все свободное время проводить вместе, не опасаясь каких-либо осложнений. Медовый месяц, можно сказать, у людей. Только вот хрен заснешь под такое. К храпу еще можно как-то приспособиться, потому что он ритмичный и при определенном настрое даже убаюкивает, а к любовной «серенаде» – никак. Да и мысли определенного свойства в голову лезут под эту «серенаду», жену уже три недели не видел.

– Заодно и прогуляться надо, свежим воздухом подышать... Респиратор в порядке? Тогда надевайте перчаточки...

– Вы, Елена Борисовна, в детском саду никогда не работали?

– Работала, довольно долго. Только не в детском саду, а в психоневрологическом интернате. А почему вы спросили?

– Вы все действия проговариваете, так, обычно, делают те, кто с детьми работает.

– Если вам мешает, Владимир Александрович...

– Нисколько не мешает. Я просто проверил свое предположение. У меня мама тоже так делала, она педагогом была.

– Тогда держите костюмчик...

«Главное, чтобы костюмчик сидел», всплыло вдруг из глубин памяти. Фразу Данилов помнил, а вот откуда она – нет. Что это? Переутомление или начинающаяся деменция? «А вот тебе!» – Данилов мысленно показал деменции кукиш и вспомнил Шерлока Холмса, который принципиально запоминал только то, что нужно для дела.

– Я вот никак понять не могу, – рассуждала Елена Борисовна, – если вирус через кожу не проникает, то зачем вас этим обмундированием мучают? Почему нельзя в робе работать, при очках и респираторе?

– Тогда бы с нас кожа бы слезла, – Данилов мало что ненавидел сильнее, чем защитные комбинезоны, но понимал, что без них не обойтись. – Так мы на выходе костюмы антисептиком обрабатываем, а то бы пришлось им мыться. Ходили бы все в экземе...

Всех выходящих из «красной зоны», где коронавирусы властвовали безраздельно, первым делом опрыскивали антисептиком, запах которого вызывал у Данилова стойкие ассоциации с запахом жидкости для омывателя стекла. Антисептику полагалось содержать не менее семидесяти процентов спирта, а спирт сушит кожу, так что лучше все же работать в костюмах, чем без них. И вообще все познается в сравнении. Когда становилось невмоготу, Данилов вспоминал трехкилометровый кросс, который он пробежал во время институтских военных сборов в общевоинском защитном комплекте. Июль, жара, на тебе кроме формы надет тяжеленный плащ из прорезиненной ткани, на голове противогаз, на ногах чулки поверх сапог, на руках – перчатки, на шее автомат... И бегом, на время, по пересеченной местности. Вот это был настоящий ад, по литру пота после кросса из каждого сапога выливали, а сейчас... Сейчас, по крайней мере, потеть приходится меньше, да и присесть иногда получается.

– А сейчас все в опрелостях ходят, особенно те, кто памперсы носит, – Елена Борисовна вела себя, как портной во время примерки – и подаст, и надеть поможет, и одернет, и завязочки завяжет, а после отступит на шаг и полюбуется тем, как ладно «костюмчик» сидит. – Это же ужас – под комбинезон еще и памперс!

Памперсы в красной зоне или просто – Зоне, носили многие. А что делать, если во время шестичасовой смены костюм снимать нельзя и выходить из зоны тоже нельзя? Страдали, конечно. Многие не могли приучиться делать «это» в памперс в здравом уме и трезвой памяти. «Идиоты! – смеялась безбашенная доктор Мальцева. – Вы лучше подумайте о том, как отвыкать станете. Засрете и засыте всю больницу!». «Мы не доживем до того, чтобы отвыкать», отвечал на это доцент Стахович, подразумевая, что пандемия – это почти навсегда.

Если есть какие-то запреты или ограничения, то без глупых шуток не обойдется. Доктору Пак в столовой во время обеденного перерыва кто-то подлил в кофе мочегонного. Памперсов Пак не носит, потому что этот девайс совершенно не увязывается с образом роковой красавицы. Пришлось ей выбыть из строя на целую смену, о чем старшая сестра Гайнулина тут же доложила главному, через голову заведующего отделением. Ход мыслей Гайнулиной Данилову был ясен. Заведующий – временный, на ковидный период, а она – постоянный сотрудник, так что ей за порядком и следить. В принципе – логично, но все равно субординацию нарушать нельзя, так Данилов старшей сестре и объяснил. А Пак «отмазал» от выговора, на которые так щедра местная администрация, всячески пытающаяся сэкономить на выплатах, премиях, надбавках и вообще на чем только можно. Объяснил ситуацию, пообещал найти шутника и вообще «усилить контроль». Дура Пак с какого-то перепугу объяснила это заступничество романтическими чувствами, которые якобы испытывает к ней заведующий отделением, и теперь просто проходу не дает. Хорошо еще, что живет она в другой гостинице, а то ведь... Ой!

Сам Данилов памперсов не носил, а старался перед сменами меньше пить. Ну и вообще работа на «скорой» быстро вырабатывает в человеке сверхтерпеливость, которая сохраняется на всю жизнь.

– Черт! – петелька, которую нужно надевать на средний палец для фиксации рукава, держалась, что называется, «на соплях» и оторвалась сразу же после того, как Данилов за нее потянул.

– Ой-ой-ой! – всполошилась Елена Борисовна. – Снимайте этот костюмчик, Владимир Александрович, я вам сейчас другой дам. Прошу прощения, в первый раз вижу такое. Впредь буду проверять.

– Не надо мне другого, – отказался Данилов, – невелика беда и вообще, переодеваться плохая примета. Вы же верхние перчатки скотчем приматываете к рукаву, такая фиксация куда надежнее, чем этот шнурок.

Вообще-то верхние перчатки на самом деле были средними. В «красной зоне» полагалось работать в трех парах перчаток. Третья, верхняя, пара менялась после каждого пациента, а вторая приматывалась к рукавам комбинезона малярным скотчем, чтобы вирусы не пролезли

под перчатки. Точно так же крепились к штанинам бахилы. Короче говоря, надевание и снятие рабочей одежды из простой процедуры превратилось в сложный ритуал, в котором нельзя было обойтись без ассистента, который не только помогал облачаться и разоблачаться, но и следил, чтобы все было сделано правильным образом, чтобы не оставалось ни одной лазейки, в которую мог бы проникнуть подлый коронавирус.

Как и положено, ритуал проводился не абы где, а в особых шлюзах – входном и выходном, которые доктор Мальцева, в зависимости от настроения, называла «вратами ада» или «вратами вечности». Поначалу бережливый главный врач попробовал привлечь в ассистенты волонтеров, но очень скоро от этой идеи пришлось отказаться, потому что волонтеры попадались какие-то ненадежные – постоянно опаздывали, или даже прогуливали свои смены, а то вообще исчезали с концами. Главной медсестре Цыпышевой ежедневно приходилось решать сложнейшую задачу под названием «кем заткнуть дыру на шлюзе?». Одно дело – выделить сотрудников дежурить по графику, в организованном порядке, и совсем другое – срочно снимать человека с одного поста и ставить на другой. Дыра на шлюзе затыкается, но возникает новая дыра в том месте, откуда была взята «затычка»... Короче говоря, тот еще ребус, очень нервный.

После того, как главная медсестра устроила в кабинете главного истерику со слезами и разрыванием халата на своей необъятной груди, главный согласился, что на таком ответственном посту лучше использовать штатных сотрудников, причем не абы кого, а самых ответственных, самых надежных. Правда, и женщинам, и мужчинам теперь помогали одеваться и раздеваться женщины, поскольку медбратьев в больнице было раз-два и обчелся, причем работали они на самых ответственных участках – в «приемнике» да в реанимации. Ничего страшного, медики на это вообще просто смотрят, да и голым перед «одевальщицами» и «раздевальщицами» никто не расхаживал, только в хлопчатобумажной форме.

– А теперь бибики, – этим смешным словом Елена Борисовна называла защитные очки.

Данилов взял очки, по привычкедохнул на пластик, проверяя обработан ли он средством против запотевания. Елена Борисовна так же привычно сощурила глаза – ну разве же я не проверю?

Оставалось последнее па Мерлезонского балета и можно топать в Зону. Елена Борисовна достала из кармана маркер, чтобы написать на спине Данилова его имя, фамилию и должность. Иначе же друг друга не опознать, в очках и респираторе все на одно лицо. Доктор Пак в придачу к надписи носила спереди свою фотографию формата «а-четыре», распечатанную на цветном принтере и вставленную в пластиковый файл. В ее шкафчике хранилась стопка таких фотографий, потому что на выходе фотография отправлялась на утилизацию вместе с костюмом. «Я хочу, чтобы пациенты видели во мне человека», говорила Пак. Злые языки утверждали, что она не хочет упускать ни одного шанса на перспективное в смысле брака знакомство. Сегодня – пациент, завтра – муж, пуркуа не па?

Не успел маркер коснуться спины, как дверь распахнулась и в шлюз ворвалась старшая медсестра первого реанимационного отделения Гайнулина. Эта суперэнергичная женщина не входила, а именно что врывалась, говорила громко, двигалась быстро и обожала делать замечания окружающим, вплоть до заместителей главного врача. Исключение делалось только для главного и главной медсестры.

– Вот вы, Владимир Александрович, снова мобильник в кабинете оставили, а мне за вами бегать! – в карих глазах Гайнулиной было столько укоризны, будто она бежала к заведующему из соседнего корпуса, а не из расположенной по соседству комнаты сестры-хозяйки, в которой пересчитывала чистые бельеовые комплекты.

– Вам, Альбина Раисовна, пора бы уже привыкнуть к тому, что я не беру телефон в Зону, – сухо сказал Данилов. – Подсказки в интернете я смотреть не собираюсь, посторонние разговоры вести тоже, а по работе можно по внутренней линии спокойно поговорить...

«Да и не каждому аппарату соседство с мобильником на пользу», добавил он про себя.

Мобильники в Зону вносились в водонепроницаемых чехлах, потому что на выходе их полагалось обрабатывать антисептиком, по сути дела – поливать им. Чехлы существенно затрудняли пользование телефонами, тыкать в экран приходилось с большей силой. Доктор Мальцева однажды ткнула так, что экран треснул. С диким воплем мобильный был брошен на пол и растоптан вдребезги. Нервная женщина, или, если точнее – буйная психопатка. В обычной ситуации Данилов такую к пациентам на километр бы не подпустил, но сейчас, когда на передовую шлют всех подряд, от студентов до профессоров и каждая пара рук на счету, отказаться от нервного реаниматолога невозможно. Тем более, что со своей работой Мальцева справляется хорошо, к пациентам относится очень трепетно. Да и жаль ее, чисто по-человечески. Она же не всегда была такой, а «двинулась шарнирами» после того, как отравилась грибами и четверо суток пролежала в коме. Здесь же, в родном отделении. «А ведь такой хороший человек был, – сетовала Гайнулина после каждой выходки Мальцевой. – Тихая, вежливая, добрая, слова плохого от нее никто никогда не слышал...». Сейчас же с Мальцевой даже главный врач остерегается связываться, понимает, что любой контакт может закончиться большим репутационным ущербом. Смолчал даже тогда, когда она во время утренней конференции на весь зал удивилась: «Вот интересно каким м...ком надо быть, чтобы по инфекционной больнице с бородой расхаживать?». Главный сделал вид, что сказанное к нему не относится, хотя из всех присутствующих мужчин только он был с бородой, а на следующий день явился на работу гладко выбритым. Мальцева, конечно, права, потому что бороду под маску полностью не спрячешь и мыть-обрабатывать постоянно не станешь, но форму выражения своих мыслей выбирать надо, да и место тоже.

Почему главный врач так держался за свою бороду, Данилов понял после того, как увидел его без бороды – выражение лица из солидно-решительного стало каким-то мягким, женственным, совершенно не начальственным. Подбородок несколько не волевой, да еще и с ямочкой, нижняя губа выпячена в стиле «ой, сейчас наш малыш расплачется». Правда, самого главного никто никогда плачущим не видел, а вот подчиненных он запросто мог довести до слез.

– Давайте не будем терять время на пустые разговоры, Владимир Александрович! – нахмурилась Гайнулина. – Раздевайтесь. Вас Валерий Николаевич ждет. Срочно!

– Что случилось?! – опешил Данилов. – Пожар? Или какой-то козел снова больницу заминировал? И почему мне во время пятиминутки ничего не сказали?

Вопросы были глупыми и вырвались они машинально, из-за удивления. Ясное дело, что при пожаре или сообщении о заложенной бомбе события разворачивались бы иначе. Да и Гайнулина начала бы с самой важной новости. Что же касается утренней административной видеоконференции, которую Данилов привычно называл «пятиминуткой», то ее сегодня проводила заместитель по медицинской работе, а не главный врач.

– Нет, насколько я поняла, вопрос касается вас лично. И еще я поняла, что Валерий Николаевич сильно рассержен.

«Трианон вывесил очередное дацзыбао», обреченно подумал Данилов, добавив к этой мысли несколько нецензурных слов.

Некий сотрудник больницы, скрывавшийся под псевдонимом Юлиан Трианонов, публиковал на своей странице в Фейсбуке репортажи о жизни восьмьдесят восьмой клинической больницы, в том числе и о борьбе с короновирусной инфекцией. Репортажи были живыми, что называется «с огоньком» и содержали много инсайдерской информации. Трианонов откровенно писал о всех косяках и недочетах, смело критиковал начальство всех уровней, но при этом не выходил за рамки дозволенного. Сведений, перечисленных в обязательстве о неразглашении служебной информации, которое приказали подписать всем сотрудникам в самом начале борьбы с коронавирусом, Трианонов не указывал и ничьих фамилий не называл, только должности. Все персонажи у него фигурировали под прозвищами, весьма, надо сказать, мет-

кими. Данилов сразу же узнал себя в Железном Дровосеке и оценил руку мастера, точнее – глаз и язык. Он действительно был на работе Железным Дровосеком, неутомимым, правильным и лишенным эмоций.

Данилову повезло – прозвище ему досталось необходимое. Роковую женщину доктора Пак Трианонов назвал Мадам Грицацуевой, корпулентную главную медсестру Анну Геннадьевну – Тетей-Ледокол, а главного врача – Минотавром. Так и писал: «и повели его на расправу к Минотавру» или «и вызвал его Минотавр, чтобы сожрать живьем». Тоже метко. Главный врач имел могучую статью, а когда гневался, то мог издавать звуки, похожие на рычание. Ну чем не Минотавр?

Все узнавали себя сразу, а директор Департамента здравоохранения без труда узнал в «Больнице Два Кренделька» восемьдесят восьмую больницу. Или ему объяснил кто-то знакомый с народными названиями бочонков в русском лото, что восемьдесят восемь – это «крендельки» или «два кренделька», они же «матрешки», они же «снеговики». В департаменте репортажи Трианопова читали и делали выводы, не очень-то благоприятные для главного врача. Вдобавок главному сильно не нравилось прозвище «Минотавр» и то, в каком свете его выставлял Трианонов. К гневу примешивалась и зависть. Подлый Трианонов имел в Фейсбуке в пять раз больше подписчиков, чем главный врач, который от своего имени рассказывал в Фейсбуке о том же – как работает в сложных условиях возглавляемое им учреждение. Но рассказывал официально, то есть – сухо и неинтересно. А описания Юлиана Трианопова хотелось читать и перечитывать, настолько хорошо они были написаны. Ну и вообще, все скандально-инсайдерское привлекает больше, чем официальное.

Себя «эта подлая мразь» (выражение главного врача) никак не называла, только «я» да «мне», и вообще строила свои репортажи таким образом, что нельзя было определить ничего – ни должности, ни места работы, ни прочей конкретики. Трианонов описывал то, что происходило по всей больнице, причем так, словно работал всюду.

Главный был уверен, что Трианонов работает врачом, но Данилов не исключал и того, что кто-то из медсестер или, к примеру, сотрудниц бухгалтерии, решил уйти из медицины в большую литературу и зарабатывать таким образом популярность. Сотрудники же общаются друг с другом, обмениваются информацией, да и на конференциях, реальных и виртуальных, все мало-мало выдающееся обсуждается. Все всё про всех знают.

Главный врач дошел до того, что несколько вечеров подряд просиживал в своем кабинете над историями болезни, пытаясь опознать Трианопова по сходству стиля. Бесплезная затея – у врачебных дневников и описаний стиль единый, казенно-шаблонный, один на всех. Состояние стабильное, кожные покровы бледные, частота дыхательных движений... и так далее. Пушкин, Толстой и Достоевский никак бы не проявили свою творческую индивидуальность в медицинской документации.

Данилов, на месте главного, поступил бы иначе – выделил бы из общей массы хороших рассказчиков, людей с хорошо подвешенным языком, и присмотрелся бы к каждому. Так бы было результативнее. Данилов любил решать логические загадки, он и медицину полюбил за ее загадочность, но сейчас, когда приходилось жить в режиме «отработал – упал, встал – начал работать» ему было не до логических упражнений. С пациентами так надумаешься – болезнь же новая, неизученная, «сюрпризная», как выражается Мальцева – что после работы хочется читать Чейза или смотреть индийские фильмы, на что другое интеллектуальных усилий не хватает. Кстати, в Мальцевой Данилов был уверен на сто пятьдесят процентов – не она. Если бы Мальцева начала описывать больничную жизнь, то в этом описании цензурными были бы только предлоги.

Главный попробовал обратиться в компетентные органы, но там ему дали от ворот поворот. Распространения заведомо ложной информации об опасных для жизни и здоровья насе-

ления обстоятельствах нет? Нет. Клеветы нет? Нет. Разглашения врачебной и служебной тайны нет? Читайте и наслаждайтесь, а у нас своих дел по гланды.

Трианонов публиковал опусы трижды в неделю и после каждой публикации главный требовал от заведующих отделениями «прекратить наконец-то это безобразие». А как прекратить? К гадалке обратиться? Так вроде бы все магические салоны на время карантина закрыты.

– Передайте Валерию Николаевичу, что я зайду к нему во время обеденного перерыва или вечером, – сказал Данилов. – Сейчас не могу, пациентами заниматься надо. Если что-то срочное, то мы можем обсудить это по телефону.

– С главным врачом так нельзя, – Гайнулина посмотрела на Данилова так, будто он сделал что-то крайне неприличное. – Когда он зовет срочно, то нужно идти срочно.

– Извините, Альбина Раисовна, но там у меня пациенты, за которых я отвечаю, – металлическим голосом ответил Железный Дровосек. – Елена Борисовна, подпишите меня пожалуйста, не будем время терять.

Гайнулина пожала плечами – тебе жить, начальник – и ушла.

– Напрасно вы так, Владимир Александрович, – мягко пожурела Елена Борисовна, – он теперь вам жить спокойно не даст. В отделении Дерун и Макаровская, на них вполне можно положиться.

– Я не люблю спокойную жизнь, – ответил Данилов. – Любил бы – пошел бы в статистики.

Сказал машинально, без задней мысли, а получилась заочная шпилька в адрес главного врача. Заочные шпильки были совершенно не в характере Данилова, так что он даже немного смутился. Но ободряющий хлопок по спине (так добрая Елена Борисовна «на счастье» благословляла всех после подписания защитного комбинезона) прогнал прочь все мысли, кроме тех, что напрямую касались работы.

* * *

Юлиан Трианонов

**** апреля 2020 года.**

Для начала, кукусики мои, у меня для вас задачка. Представим, что вы врач и у вас есть три пары перчаток, а пациентов, которых нужно осмотреть – четверо. Сможете ли вы осмотреть всех четверых без риска заразить себя и кого-нибудь из пациентов? Думайте, думайте, а пока что вот вам свежие новости из Больницы Два Кренделька.

«Кому война, а кому мать родная» – знакомо ли вам это выражение?

Знакомясь со статистикой и всячески при этом ужасаясь, имейте в уме следующее – за каждого выявленного больного с коронавирусом, больница получает хорошие деньги, толика от которых перепадает врачам. А реанимационная койка, если кто не в курсе, стоит много дороже обычной, что вполне естественно. Поэтому нет ничего удивительного в том, что наш уважаемый Минотавр вознамерился переделать в реанимационное отделение (четвертое по счету!) пустующий операционный блок. Это же выгодно, а все, что выгодно – полезно.

Однако, как говорят в Одессе: «бордель – это не только койки, но и девочки». Расставить в оперблоке койки и оборудование – это половина дела, нужно же еще и персонал обеспечить. А где его взять, если у нас и так незаткнутых дыр куча? Но для гениев нет неразрешимых задач! (Потому-то они и гении, а мы с вами, кукусики мои, можем только восхищаться и аплодировать). «Зачем в смене нужно несколько реаниматологов? – спросил Минотавр. – Вполне достаточно одного, которого станет подстраховывать заведующий отделением. Недаром же у человека одна голова и две руки. Один опытный реаниматолог может спокойно руководить командой приданных ему врачей, давать им указания и контролировать их исполнение.

Учитесь у доктора Хауса, господа. В конце концов, отдельные гении в одиночку стационарами руководят – и ничего!».

Если кто не знает, то с переводом Двух Крендельков на «корону» в общереанимационные отделения были перепрофилированы неврологическая и кардиологическая реанимации, так что на данный момент имеется три совершенно одинаковых реанимационных отделений, в которых работает целая куча народу. Одним отделением руководит Железный Дровосек, другим – Мамочка, а третьим – Карапуз. Если взять понемногу сотрудников от каждого из трех отделений, то их хватит на четвертое. С большой натяжкой, конечно, но в наше героическое время иначе и не работают.

И пошел тут великий стон и плач по Двум Кренделькам, ибо даже работая по двое-трое реаниматологи к концу смен с ног падали, а тут в перспективе вся эта нагрузочка вдвое возрасти могла. Мало того, что треть персонала, как минимум, в новое отделение заберут, так люди же еще и заболевают. Как от коронавируса не защищайся, он, гад такой, найдет куда пролезть. На этой неделе у нас выбыло из строя три врача плюс пять медсестер, и это только начало. Заболеваемость среди персонала не смогли остановить даже решительные меры, предпринятые Минотавром, который пообещал лишить всех заболевших надбавок, если выяснится, что заразились они по собственной небрежности (и почему-то мне кажется, что это непременно выяснится, ибо Великие слов на ветер не бросают).

И пришли к Минотавру подданные, разрывая на себе одежды скорби и посыпая головы пеплом несбывшихся надежд. И возопили они: «Смилуйся, господин, или же покинем мы эту юдоль скорби, потому что терпению нашему пришел окончательный конец». И, узрев такую решительную решимость, понял Минотавр, что лучше будет врубить задний ход. «Идите с миром, дети мои, – сказал он. – Я передумал, довольно с нас и трех реанимационных отделений, все равно в них часть пациентов приходится не по делу закладывать, чтобы дорожные реанимационные койки не пустовали». И ушли они осчастливленные, размазывая по лицу слезы умиления вперемешку с соплями радости.

А задача, кукусики мои, решается так – после осмотра третьего пациента, вы, не снимая перчаток, надеваете на них пару использованных, вывернув ее наизнанку. Но – тссс! Боюсь даже представить, что будет со мной, если я попробую сделать такое в нашем трижды благословенном отделении... Или Железный Дровосек зарубит меня своим топором, или же Минотавр растерзает (и неизвестно, что хуже). А может Мамочка поставит меня в угол, коленями на сырую гречку или же вредный Карапуз отберет у меня все мои игрушки. Так что не выдавайте меня, кукусики мои стойкие, ладно?

С вами был я, ваш светоч.

До новых встреч!».

Глава вторая

Конь на переправе

Главный врач восемьдесят восьмой клинической больницы Валерий Николаевич Тронов по основной своей специальности был врачом-статистиком. В лечебной работе он разбирался плохо, но зато умел работать с цифрами и составлять отчеты, а это для главного врача важнее всего. Главным врачом Валерий Николаевич стал в тридцать восемь лет. Однако дальнейшая карьера забуксовала, вместо ожидаемых трех лет он сидел в главных врачах седьмой год. В начале 2020 года Валерию Николаевичу наконец-то удалось подготовить почву для перехода в департамент, причем не кем-нибудь с конца последним, а начальником управления организации стационарной помощи. Однако проклятый коронавирус спутал все планы. Коней не меняют на переправе, а главных врачей – во время борьбы с пандемиями и эпидемиями. Другой бы расстроился, но Валерий Николаевич считал себя умным человеком, а умный человек должен извлекать пользу из всего, в том числе и из поражений. «Черт с ним, с департаментом, – сказал себе Валерий Николаевич. – Наберу очков побольше и перейду в министерство, начальником департамента, а то и заместителем министра...».

Валерий Николаевич верил в свою счастливую звезду.

Надо признать, что у него на то были основания.

После окончания Саратовского медицинского института юный доктор Тронов приехал в Москву, где у него не было ни зацепок, ни покровителей. Но в активе были два сокровища – холодный аналитический ум и кипучий энтузиазм человека, которому нужно как можно больше и как можно раньше. Ну и удача тоже наличествовала, не без этого. Удача устроила Валере чудесное случайное знакомство с дочерью декана экономического факультета МГУ. Бедная девочка въехала на своей новенькой «тойоте» в стоящий на обочине самосвал и разбила нос о рулевое колесо. Произошло это прямо напротив ворот больницы, в которой тогда тянул статистику доктор Тронов. Он проходил по коридору приемного отделения и вдруг увидел ее – молодую, стройную, дорого одетую и, возможно, симпатичную (разобраться в этом вопросе мешал окровавленный платок, которые она прижимала к носу). Ее слегка подтряхивало. Она пыталась чего-то добиться у охранника, который монотонно бубнил:

– Подождите, гражданка, сейчас придет доктор и разберется.

Валеру как иглой в одно место кольнули – действуй! У него случались такие озарения. Он подошел, представился, опустив совершенно ненужное в данном случае слово «статистик», организовал девушке срочную и очень качественную консультацию ЛОР врача, а затем отпросился с работы и отвез ее домой на такси... Спустя полгода они поженились. Валера был доволен. К триединой мечте провинциала – жена-москвичка, квартира в Москве и дача в Подмосковье – бонусом прилагался очень влиятельный тесть, не чаявший души в своей единственной дочери. И если бы этот золотой человек был бы сейчас жив, то Валерию Николаевичу не пришлось бы сидеть столько лет в главных врачах. Он, конечно, и сам не дурак, но хороший толчок в нужный момент много значит... А тесть, царствие ему небесное, умел и подтолкнуть, и нажать, и смазать где нужно.

Времена настали хоть и сильно шебутные, но, вместе с тем, очень перспективные. В больницу дважды наезжал с визитами столичный мэр, и Валерий Николаевич оба раза показал себя и свое учреждение с самой лучшей стороны. Градоначальник остался доволен и в последний раз сказал, что редко кто умеет так хорошо работать. Валерий Николаевич в глубине души надеялся на визит Самого, но Сам выбрал для посещения больницу в Коммунарке. Валерий Николаевич сначала искренне расстроился, но после того, как у тамошнего главного врача выявили коронавирусную инфекцию, трижды перекрестился: «Уберег Господь!». Не дай Бог

у Самого тоже эту пакость обнаружат и подумают, что он мог заразиться от главного врача во время своего визита. Они же там беседовали без масок, руки друг дружке жали... Рискованный момент!

Рискованных моментов Валерий Николаевич боялся больше всего на свете, ну разве что после онкологии и инсульта с тетраплегией.¹ Карьеры выстраиваются годами, а рушатся в один миг. Каждый рабочий день начинался с вдумчивого анализа сложившейся обстановки – где надо соломки подстелить? Многие считали Валерия Николаевича самодуром, потому что он мог принудить сотрудника к увольнению без какой-то явной причины. Приглашал в кабинет, говорил «к сожалению, мы с вами не сработались» и предлагал написать заявление «по собственному желанию». Все писали, потому что выбор у них был тухлый – или уйдешь достойно-принудительно или вскоре тебя уволят по инициативе администрации с сильно подмоченной репутацией. Но Валерий Николаевич не был самодуром. И увольнять людей он не любил, потому что замена сотрудника наносит ущерб стабильности, пусть и небольшой, но ущерб. А стабильность – это наше все, основа основ любой благополучной карьеры. Однако, если чувствуешь, что человек потенциально способен создавать проблемы, от него лучше избавиться сразу и навсегда, невзирая на его ценность. Так хирурги при гангрене отрезают конечность для того, чтобы спасти человека.

В настоящее время Валерию Николаевичу очень хотелось уволить, причем с треском и шумом, так, чтобы другим неповадно было, двух человек – тварь, прятавшуюся под псевдонимом Юлиан Трианонов и Ольгу Никитичну Хореву, заместителя главного врача по медицинской части. В том, что за Трианоновым стоит она, сомнений у Валерия Николаевича почти не было. По этому вопросу мнение логики совпадало с мнением интуиции. Эта сорокалетняя амбициозная валькирия решила воспользоваться моментом. В былые времена ей не было никакого резона подсиживать Валерия Николаевича, потому что она не обладала потенциалом, необходимым для того, чтобы занять его место. Ну, максимум, в течение месяца-другого пробыла бы исполняющей обязанности, не более того. А потом не факт, что сработалась бы с новым главврачом. Так что до начала всей этой коронавирусной заварушки Валерий Николаевич от Ольги Никитичны никаких подстав не ожидал. Но сейчас все изменилось. Если он слетит со своего места в столь сложный и ответственный период, то со стороны на замену вряд ли пришлют кого-то. Не то нынче время, чтобы новый руководитель мог бы постепенно-неторопливо входить в курс дела и брать бразды правления в свои руки. Да даже если и торопливо, то три недели на изучение и вникание уйдет точно, будь ты хоть семи пядей во лбу, и в департаменте это прекрасно понимают. Три недели больница может обойтись без крепкой начальственной руки в обычное время, а не в такой фронтовой обстановке, как сейчас. Коней на переправе не меняют, это так. Но если конь сдохнет его постараются заменить привычным к переправам конем! Так что решение может быть только одно – после Тронова трон (Валерий Николаевич обожал «обкаламбуривать» свою звучную фамилию) займет Ольга Никитична. И если она хорошо себя проявит – а уж она-то проявит, можно не сомневаться! – то после ее уже никуда не уберут, оставят в главных врачах, да еще и орденом наградят за старание.

«Нет, какая же она все-таки сука! – думал Валерий Николаевич, в глубине души прекрасно понимая, что сам он на месте своего начмеда действовал бы точно так же – ловил бы возможность, пока она в руки дается. – Какая же сука! И какой точный расчет, какая гениальная идея! Привлечь к внутрибольничным событиям общественное внимание, а потом взорвать бомбу – раздуть из какой-нибудь оплошности шухер вселенского масштаба».

Без общественности Ольге Никитичне никак нельзя было обойтись, потому что все, кроме пожара с жертвами, можно замять-пережить, при условии, что сор не будет вынесен из избы.

¹ Тетраплегия – паралич большей части тела, включая верхние и нижние конечности.

Валерий Николаевич хорошо умел заминать дела и гасить недовольство пострадавших или их родственников. Иногда приходилось откупаться в самом что ни на есть прямом смысле, доставая деньги из собственного кармана. Какой-то идиот на дежурстве перелил плазму не той группы, а расплачивается за его ошибку главный врач – ну разве это справедливо? А что делать? Это в старые добрые времена недовольные писали жалобы в минздрав и получали в ответ стандартные отписки. Сейчас недовольные высказываются в интернете с призывным кличем: «Прошу перепоста!». Нет уж, лучше откупиться, чем читать в том же Фейсбуке: «В восемьдесят восьмой московской больнице врачи-убийцы перелили пациенту не ту кровь! Трое детей остались без отца!..».

Количество подписчиков проклятого Юлиана Триановова росло быстрее, чем количество зараженных коронавирусом. Вчера их было семьдесят две тысячи... И это только подписчики! Но читают его пасквили не только они... И хуже всего, что их читают в департаменте и министерстве. Директор департамента Соловей вчера пошутил на совещании: «Валерий Николаевич может не отчитываться, я и так в курсе, Фейсбук читаю». Валерий Николаевич попросил отшутиться: «Я в Фейсбуке всего не пишу», но тут же получил щелок в нос, в переносном смысле, конечно. «А не вас имел в виду, а вашего Триановова», ответил Соловей и все присутствующие ехидно заулыбались.

После того, как знакомый майор, занимавшийся преступлениями в сфере информационных технологий, объяснил, что по закону «прижать» Триановова не удастся, ибо его пасквили не попадают ни под одну из статей кодекса, Валерий Николаевич решил найти гадину самостоятельно. То есть, не совсем самостоятельно, а с помощью какого-нибудь компьютерного гения, умеющего читать виртуальные следы. По наводке знакомых гениев отыскался быстро. За три часа работы содрал три штуки баксов (ну у них и тарифы!), однако же распутал зашифрованный след. Оказалось, что Триановов отправляет свои пасквили из одного мюнхенского отеля.

Из мюнхенского отеля – вот кто бы мог подумать?

Валерий Николаевич посулил гению втрое против прежнего за то, чтобы тот нашел обратный след, тянущийся из отеля в Москву. Должны же быть какие-то технические возможности, ведь в фильмах постоянно говорят о том, что любое действие оставляет след во Всемирной Паутине. Однако честный юноша объяснил, что это бессмысленно. Тот, кто так боится, не будет слать письма из Москвы напрямую в отель, потому что осторожные люди глупых поступков не совершают.

– Письма отправляются не в отель, и вообще не на устройство, подключенное к сети отеля, а куда-то в другое место. Была бы это какая-нибудь маленькая деревенька в горах, еще можно было бы попытаться. Но Мюнхен – огромный город. Жизни на него не хватит.

– Почему именно в горах? – спросил Валерий Николаевич, всегда вникавший в мелкие детали.

– В смысле – изолированная, труднодоступная, – пояснил гений. – Чтобы знать наверняка или хотя бы с уверенностью предполагать, что отправитель не приехал из какого-то другого населенного пункта.

Если бы дело происходило в обычное время, то Валерий Николаевич мог бы и частного детектива в Мюнхен отправить, благо средства, нажитые праведным и неправедным образом, позволяли ему такое «удовольствие». Но сейчас, когда границы закрыты... Эх, да что тут говорить!

Проблемы поодиночке не приходят. Сегодня утром, когда Валерий Николаевич сел в машину, чтобы ехать на работу, ему позвонил знакомый журналист из «Московского сплетника». Позавчера какого-то родственника этого журналиста, не то свекра его сестры, не то брата его матери, госпитализировали в первое реанимационное отделение. Журналист звонил, волновался, просил «обратить внимание».

Знакомство было случайным, да и сам журналист был не из известных, но Валерий Николаевич предпочитал дружить со всеми представителями второй древнейшей профессии, независимо от их рангов и мест работы. Как говорила бабушка Анна Васильевна: «мал комарик, да кусач». Любой журналюга может испортить человеку репутацию, особенно если он работает в такой скандальной газете, как «Московский сплетник». Поэтому Валерий Николаевич спросился о пациенте Громе, перезвонил журналисту, успокоил и благополучно забыл об этом.

– Валерий Николаевич! – вибрировал в телефоне взволнованный голос. – Тут такое случилось... Сестра и все ее домашние просто в шоке!

– Соболезную! – сочувственно произнес Валерий Николаевич. – Держитесь!

Поздравлять он любил многословно, потому что кашу маслом не испортишь, а соболезнования выражал скупой, чтобы не провоцировать ненужных истерик. Да и на работу пора уже было ехать. Опаздывать Валерий Николаевич не любил, а опаздывающих просто ненавидел.

– Что? – голос вдруг стал тихим. – Уже?... Вы это серьезно?... Когда?..

– Я не знаю! – немного раздраженно ответил Валерий Николаевич. – Я еще не успел доехать до работы, а вчера после обеда уехал в департамент и пробыл там допоздна.

«Да что это я ему объясняю? – подумал он, раздражаясь все сильнее. – Как будто оправдываюсь! Перед кем? Да ну его к...».

– Простите, но мне сейчас некогда, – тоном, не допускающим возражений, сказал он. – Я очень спешу.

– Одну минуточку! – голос снова завибрировал. – Вопрос жизни и смерти! Сестра боится обращаться в полицию... Впрочем, если вы говорите, что Михаил Петрович умер, то...

Упоминание о полиции переключило Валерия Николаевича с режима «я очень спешу» в режим «я вас внимательно слушаю».

Оказалось, что вчера вечером на домашний телефонный номер Михаила Петровича позвонил мужчина, который представился врачом первого реанимационного отделения, но фамилию свою не назвал. Врач сообщил, что состояние у пациента Громова тяжелое и он подключен к аппарату искусственной вентиляции легких. Однако аппаратов сейчас гораздо меньше, чем нуждающихся, а лет пациенту Громову семьдесят пять, так что в любой момент заведующий отделением может распорядиться отключить Громова от аппарата для того, подключить к нему кого-то помоложе и с лучшими перспективами. Особая инструкция Минздрава разрешает такое. Но если до восьми часов утра родственники положат в указанное им место семьдесят тысяч рублей, Михаил Петрович будет пребывать «на аппарате» столько, сколько потребуется по его состоянию. Время пошло...

– Детский сад какой-то! – вздохнул собеседник. – И место закладки указали странное, будто в плохом детективе – урна на школьном стадионе. Но сестра склонна была поверить. Больница на особом режиме, к врачам реанимации доступа нет, передать деньги можно только так! Я уговорил ее подождать, пока не свяжусь с вами, но вы со вчерашнего вечера были недоступны...

Как и положено главному врачу крупной больницы, Валерий Николаевич имел два мобильных телефона – общий и для узкого круга. Общий он выключил вчера еще перед началом совещания в департаменте, а включил сегодня утром, когда спускался в лифте в подземный гараж.

– Вы можете помочь?! Если, конечно, Михаил Петрович еще жив?

– Разумеется! – заверил Валерий Николаевич. – Вы можете быть совершенно спокойны, даю вам слово. Я сейчас же позвоню в больницу, узнаю о состоянии вашего родственника, отдам необходимые распоряжения и сразу же перезвоню вам, договорились? С полицией пока погодите. Это явная афера, к которой наши врачи не имеют никакого отношения, я в этом уверен. А оперативники будут трепать нервы мне и моим сотрудникам, отвлекать нас от работы в такое сложное время...

– О том, что Михаила Петровича госпитализировали, знали только близкие, – сказал собеседник. – Ну, может кто-то из соседей видел, как его в машину грузили, но откуда они могли узнать номер больницы и номер отделения? Сестра у меня не очень общительная, а муж ее – тем более, он в службе исполнения наказаний работает, там все – молчуны...

«Господи! – обреченно подумал Валерий Николаевич. – Ну почему эти негодяи не попытались развести какую-нибудь семью попроще, а выбрали родственника журналиста и папашу сотрудника ФСИН? И почему это должно было произойти именно в моей больнице?»

Пациент Громов оказался жив и к аппарату искусственной вентиляции легких его вообще не подключали. Валерий Николаевич обрадовал журналиста, заодно объяснив ему, что аппаратуры в больнице много, никакого дефицита нет, а особой инструкции Минздрава тоже не существует, выдумки это. Вопрос надо было решить окончательно и насовсем, поэтому Валерий Николаевич пригласил журналиста к себе, чтобы спокойно поговорить про родственника и вообще пообщаться.

Журналист, газетная душа, заодно захотел взять интервью. Да без проблем, всегда рады. Договорились на три часа дня. До встречи с журналистом Валерий Николаевич собирался переговорить с заведующим первой реанимацией Даниловым, разузнать у него о Громе и дать ценные указания. Пусть он побеседует с каждым из врачей с глазу на глаз и предупредит, что повторная подобная выходка добром не закончится. Молодцы с Петровки найдут «шалунов» и обеспечат каждому изоляцию лет этак на пять, если не на семь. Если же и сам Данилов решил поиграть в такие игры, то тем лучше – получит предупреждение из первых, как говорится, уст. Нет, какие же все-таки придурки! Положите деньги в урну на школьном стадионе! Да этот стадион засадами окружить можно запросто. Впрочем, расчет у них был на то, что родственники пациента в полицию не обратятся, но как можно быть уверенным в этом, не зная обстановки в данной конкретной семье?

Взять, хотя бы, самого Валерия Николаевича. Ради своего добрейшего и суперполезного тестя он бы никаких денег не пожалел бы, ибо это был тот самый случай, когда любые вложения окупались с лихвой, да и человек был приятный. Но за свою тещу Нину Семеновну, эту старую суку, он бы и копейки не заплатил – пусть подыхает поскорее. Судьба зла – милый тесть давно уже умер, а теща-ведьма жива-здоровая и каждый день сношает по телефону мозги своей дочери, объясняя ей, какую великую ошибку она совершила, выйдя замуж за «безродную шваль». Сама, можно подумать, княгиня Белосельская-Белозерская, дочь сапожника.

Неладно начавшийся день так же неладно и продолжался. Приехав в больницу, Валерий Николаевич выслушал короткий рапорт начмеда Ольги Никитичны и попросил секретаршу Катерину срочно вызвать к нему заведующего первым реанимационным отделением.

Через четверть часа Катерина вошла в кабинет и доложила, что доктор Данилов отказался идти к главному врачу под тем предлогом, что ему нужно осматривать пациентов.

– Я не могла ему дозвониться и передала информацию старшей сестре Гайнулиной, – лепетала Катерина, – а она не смогла эту информацию правильно донести...

Валерию Николаевичу нравилось в Катерине все, начиная с ее трепета перед обожаемым начальником (ах, только бы не разочаровать его!) и заканчивая перманентной готовностью к скоротечным сексуальным контактам в рабочее время, которые никогда не сопровождались намеками на что-то более серьезное. За это Катерине можно было простить некоторую небрежность в работе и отсутствие эталонных внешних данных. Личико скуластое, глаза узковаты, челюсти слегка выступают вперед и фигура плоская, но с лица, как говорится, воду не пить, а фигура при скоротечных контактах не так уж и важна. И вообще, в неглавных вопросах Валерий Николаевич придерживался мудрого принципа: «используй то, что под рукою и не ищи себе другого».

– Ничего, ничего, – ответил Валерий Николаевич, старательно подавляя раздражение. – Пациенты важнее всего и это не обсуждается. Позвони Владимиру Александровичу и попроси его зайти, когда он закончит срочные дела.

Когда подчиненные отказываются повиноваться, выражать недовольство нельзя, это Валерий Николаевич усвоил накрепко в самом начале своей профессиональной деятельности. Надо сделать вид, что все правильно, а затем тихо-четко избавиться от строптивого сотрудника. От Данилова же и избавляться не требовалось. Как только вся эта коронавирусная свистопляска завершится, Данилов вернется на свою кафедру, ради которой отказался от какого-то там поста в Минздраве. Станный, конечно, мужик. После должности директора департамента здравоохранения Севастополя, между прочим – города федерального значения, равного по статусу Москве и Питеру, вернулся в кафедральные ассистенты. Не иначе как предложенная реальность не оправдала ожиданий. Или же это какая-то многоходовочка, смысл которой так сразу не понять. Иной раз многоходовочки бывают очень запутанными...

В свое время, лет этак двадцать назад, Валерию Николаевичу, только что приехавшему в Москву, рассказали анекдот из жизни о чуваке, который имея высшее образование по специальности «технология питания» и определенный стаж работы, вдруг в возрасте Христа пошел учиться на фельдшера. Валерий Николаевич тогда поудивлялся и забыл анекдот. Вспомнил его через пятнадцать лет, когда главный врач станции скорой помощи на банкете по случаю Дня медика, поделился с окружающими радостью – наконец-то, мол, избавился от язвы-фельдшера, который донимал меня многие годы. Представляете – от своей первой профессии, весьма, надо сказать, хлебной, отказался, выучился на фельдшера, устроился на скорую... И все ради чего? Ради того, чтобы независимый профсоюз организовать и кровь мою пить литрами. Валерий Николаевич сразу же вспомнил давнишний анекдот и восхитился красотой игры – ну надо же! Ему всегда нравились такие хитрованские выверты.

Звонить заведующему с требованием срочной явки пред начальственные очи было бы неразумно и бесполезно. Ответит, что занят, и нанесет тем самым дополнительный ущерб репутации главного врача. Одно дело – отказать старшей сестре, которая передает распоряжение, полученное от секретарши, и совсем другое сказать «нет!» лично главному врачу. А потом, чего доброго, положит трубку и скажет сотрудникам: «Что-то наш главный совсем сбрендил, работать не дает». Нельзя такого допускать, пусть уж приходит, как сможет и пусть с ним общается Катерина. А мы все запомним. Память у Валерия Николаевича была замечательная. Он помнил все, кроме того, что хотел поскорее забыть.

Согласно вселенскому по закону подлости, заведующего задержали какие-то дела, и явился он уже после ухода журналиста. Ничего страшного, информацию о пациенте Громе Катерина получила от старшего реаниматолога смены, а во время интервью Данилов бы только мешал. Неприятный человек, хотя специалист отличный и организатор замечательный, о таком заведующем реанимационным отделением можно только мечтать.

На досуге Валерий Николаевич любил поразмышлять о том, что по какому-то странному правилу, установленному непонятно кем, хорошие специалисты чаще всего бывают неприятными в общении людьми, а приятные в общении люди оказываются хреновыми специалистами. Взять того же Данилова – сухарь и бука, даром же его Трианонов Железным Дровосеком прозвал. А вот Катерина вся из себя милая-премилая и отзывчиво-покладистая, но при этом дура-дура. На шее амулет носит, предохраняющий от заражения коронавирусом – мешочек с какой-то травой и не снимает его даже во время любовных забав. И это выпускница биофака МГУ! Куда катится этот мир?

– Вот вы не пришли утром, а дело было очень важное, – ласково попенял строптивцу Валерий Николаевич, а затем вывалил на него свежие новости, слегка их при этом приукрасив – пусть знает, как главный врач его от неприятностей спасал.

Дав Данилову немного времени на осмысление информации, Валерий Николаевич спросил:

– И что вы собираетесь делать?

Ожидался ответ «не знаю», после которого Валерий Николаевич велел бы переговорить по отдельности с каждым сотрудником и строго-настрого предупредить, чтобы ничего подобного больше не было. Иначе – дорога дальняя, казенный дом. Но вместо этого неприятный человек сказал:

– Это кто-то посторонний, имеющий доступ к информации о госпитализации пациентов, но не знающий о их текущем состоянии. Я собирался перевести Громова в отделение еще вчера и отложил перевод только из-за того, что были свободные койки, а ему, все-таки, семьдесят пять лет. Но решение это я принял уже после того, как был написан переводной эпикриз и взято место во втором отделении. Перед уходом из отделения в районе трех часов, я распорядился задержать Громова до восьми, до моего возвращения... Вы улавливаете, к чему я клоню?

– Улавливаю, – кивнул Валерий Николаевич. – Окончательное решение было принято вечером, примерно в то же время, когда был сделан звонок с требованием денег. Но звонили явно не из отделения...

– Однозначно, – подтвердил Данилов. – К тому же, в полусмену «двадцать – два» у нас, кроме меня, работало только двое мужчин, которые явно ничем подобным заниматься не стали бы...

– Кто именно? – быстро спросил главный врач.

– Доцент Стахович и доктор Жаврид.

– Соглашусь, пожалуй.

Стахович, доцент кафедры факультетской хирургии и ведущий абдоминальный хирург больницы, никогда бы не опустился до столь гнусного вымогательства, в этом Валерий Николаевич был уверен на сто процентов. У Стаховича были свои источники доходов и жена, владевшая сетью салонов красоты. Станет такой человек заниматься явной уголовщиной? Да никогда в жизни. А у реаниматолога Жаврида имелся выраженный дефект речи – он одновременно заикался и картавил. С непривычки трудно было понять, что он говорит, особенно при телефонном общении.

– Звонить домой пациенту, которого уже перевели или вот-вот переведут в отделение неразумно, ведь родственники обычно узнают об этом быстро, – продолжил Данилов. – Или пошлют куда подальше, или в полицию сообщат... Кстати говоря, если утечка сведений от родственников исключена, то надо трясти приемное отделение или отдел госпитализации. Интересно, а по другим стационарам такие звонки были? Если – да, то приемное можно отбросить...

– Ну вы прямо Эркюль Пуаро, – поддел главный врач.

– Можно подумать, что только он один умел рассуждать логически, – парировал Данилов.

«Вот и нашел бы Трианов с помощью своей логики», неприязненно подумал Валерий Николаевич, но озвучивать свою мысль не стал, прекрасно зная, что собеседник ответит на это какой-нибудь резкостью в стиле «делать мне больше нечего».

* * *

Юлиан Трианов

**** апреля 2020 года.**

«В одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань»

А. С. Пушкин, поэма «Полтава».

«Доброго вам времени суток, кукусики мои драгоценные!»

Видели ли вы в натуре, как Давид побеждает Голиафа? Сомневаюсь, ибо дело было очень давно... А вот я, представьте себе, видел, не далее, как сегодня.

Но сначала нужно объяснить, как в военно-коронавирусное время устроены реанимационные отделения в передовых стационарах (слово «передовые» означает «те, которые находятся на передовой», а не «самые продвинутые»).

А устроены они следующим образом.

На условном Олимпе, то есть над всеми, находится заведующий отделением, который отличается от Зевса-громовержца, властителя истинного Олимпа, тем, что молнии обычно мечут в него. Впрочем, так было всегда и везде. Нет в медицине креста тяжелее, чем заведение отделением. Особенно – реанимационным, особенно – в особых условиях.

Каждую смену возглавляет старший реаниматолог, который отвечает за все, что происходит в его дежурство и принимает ключевые решения. Помимо старшего реаниматолога в смену должны работать еще три врача-реаниматолога, правда, это в лучшем случае. Бывает, что вместо трех выходит на работу один – кто-то болеет, а кем-то заткнули дыру в другом реанимационном отделении. Тогда заведующему приходится работать не только за себя, но и за недостающего врача. Железный Дровосек сносит это стоически, ни словом, ни жестом не показывая, как его все задолбало. Мамочка время от времени горько вздыхает и жалеет вслух о том, что она не пошла учиться в консерваторию. А Карапуз говорит всякие разные нецензурные слова (он у нас вообще считается первым матерщинником).

Реанимационные отделения при перепрофилировании больницы «на корону» развернули большие – каждое на двадцать четыре койки плюс четыре резервных, которые в больничной статистике не учитываются, но могут быть задействованы в случае перегрузки. Ясный пень, что три или четыре реаниматолога не потянут двадцать четыре реанимационные койки, на которых лежат по-настоящему тяжелые пациенты с новой, неизученной патологией, чреватой всяческими сюрпризами. При обострении ситуации часть пациентов рискует остаться без врачебного внимания, а этого в реанимации допускать нельзя. Опять же, помимо «настоящей» реанимационной деятельности, врачам приходится выполнять много другой работы, начиная с ведения медицинской документации и заканчивая онлайн-консультациями в других отделениях.

Хорошо бы, конечно, иметь в смену восемь квалифицированных реаниматологов, да только откуда их взять? Потребность резко возросла, а предложение осталось прежним. Поэтому четыре врачебные ставки в каждую смену «заткнулись всяким г...ом», как выражается доктор Чтоб Все Сдохли, то есть – приданными врачами самых разных специальностей и самого разного уровня, от ординаторов до профессоров.

Легко ли профессору или доценту, работать условным «мальчиком на побегушках» наравне с ординаторами, которым он еще в прошлом или позапрошлом году читал лекции? Разумеется – нелегко. Легко ли человеку, многого добившемуся в своей профессии, заполнять истории болезни и обходить пациентов для списывания показаний с мониторов? А ведь временами «старшие» коллеги нет-нет, да подпустят шпильку – ну как вам наша настоящая врачебная работа? Или с ехидной усмешкой предложат подключичный катетер поставить, а для этого относительно простого действия надо набитую руку иметь. Короче говоря, много ума и терпения нужно ферзю или ладье для того, чтобы отбить свое в пешках, не создавая при этом проблем ни себе, ни окружающим.

Но вот у «приданного» доцента Фон Барона не было ни ума, ни терпения. И навыка в постановке подключичных катетеров тоже не было. А еще не было желания обращаться за помощью к старшему реаниматологу, потому что это означало потерю престижа и несмыслаемый позор на благородные доцентовы седины.

Вообразите, кукусики мои несравненные, такую картину. Навис Фон Барон над пациентом, аки коршун над кроликом, весь трясется от усердия, а дело не ладится. И тут мимо

проходит ординатор первого года Шприц, салага, можно сказать, который пару лет назад трепетал перед Фон Бароном на экзамене. И что делает салага? Отодвигает плечом уважаемого человека, в секунду мгновенную ставит катетер (наострился, поганец) и небрежно так роняет: «Обращайтесь, если что, Барон Батькович». И это на глазах у постовой медсестры, главной сплетницы Двух Крендельков, которую главная медсестра прозвала «Нашим Радио». Разумеется, с Фон Бароном случилась истерика, принявшая вид гипертонического криза. Он досрочно покинул Зону и обратился за помощью к доктору, которого посадили возле выхода для оказания помощи чересчур нежным сотрудникам. После оказания медицинской помощи наивный Фон Барон попытался искать сочувствия у Железного Дровосека. И в самом деле, негоже салаге-ординатору доцента плечом двигать без каких-либо «простите пожалуйста, могу ли я вам помочь?». Но искать сочувствия у Железного Дровосека, это все равно что пытаться узнать мое настоящее имя (если кто не в курсе, то Юлиан Трианонов – это псевдоним). «Я считаю, что методикой катетеризации центральных вен должен владеть каждый уважающий себя врач», – сказал Железный Дровосек и на этом инцидент был исперчен.² Обращение Фон Барона к Минотавру не помогло. Минотавр мудро предпочел не снисходить до подобных мелочей.

Ну нельзя же, в самом деле, сводить в одной упряжке доцентов с ординаторами! Кто это придумал, тому незачет. Доцентов с профессорами нужно назначать помощниками главных врачей и прочих руководителей, а не ставить приданными врачами в реанимационные отделения. Почему никто не заботится о руководителях? Им же тоже сейчас трудно приходится.

С вами был я, ваш светоч, луч справедливости в мире мрака.
До новых встреч!».

² Если кто не понял, то это не опечатка, а выражение из предсмертной записки Владимира Маяковского: «Как говорят – "инцидент исперчен", любовная лодка разбилась о быт».

Глава третья

Один день Владимира Александровича

Самым непривычным в новой работе для Данилова был график. Вместо обычных суточных смен дежурные сотрудники отработывали двенадцатичасовые, которые разбивались на две полусмены по шесть часов. Заступил в восемь утра – в два часа дня сдаешь пациентов сменщику и отправляешься на шестичасовой отдых. В восемь часов вечера принимаешь пациентов у сменщика и ведешь их до двух часов ночи. В два часа ночи снова сдаешь всех сменщику и на этом смена заканчивается... По идее, логике вещей и трудовому законодательству после двенадцатичасовой смены полагается сутки отдыхать, но у особого режима особые условия, поэтому очень часто сотрудникам приходилось выходить на новую смену спустя шесть часов после завершения старой. Что же касается заведующего отделением, то у него выходных не было по умолчанию, то есть, в таблице они присутствовали, иначе получится нарушение трудового законодательства, но в реальной жизни Данилов с восьми утра до глубокой ночи работал, потом спал несколько часов в кабинете или в гостинице и все начиналось снова. Ничего, втянулся и привык, человек ко всему привыкает, если понимает, что так надо.

Официальный рабочий день заведующего отделением был восьмичасовым. Решай самостоятельно, сколько времени проводить в красной зоне, то есть в реанимационном зале, а сколько в чистой – в своем кабинете. Главное, чтобы в отделении был порядок. Но Данилов сразу же решил подстроиться под дежурства сотрудников, так было правильнее. Отработав в Зоне с восьми утра до двух дня (по факту обычно получалось до трех), он до восьми вечера занимался делами в своем кабинете, а в восемь часов снова шел в Зону и оставался там «по потребности». В лучшем случае – часов до одиннадцати, но чаще всего отбывал полную смену до двух часов ночи, потому что по вечерам были большие поступления. Так уж устроены люди – с утра они терпят, успокаивают себя мыслью о том, что «может все и обойдется», а ближе к ночи вызывают «скорую». Правило это нарушается только один день в году – тридцать первого декабря, когда вечером вызовов бывает ничтожно мало. Но зато после двух часов ночи они обрушиваются лавиной.

В семь утра телефон хрипел сердитым голосом: «Вставай лежебока!», но Данилов к тому моменту успевал проснуться и обдумать план действий на ближайшие шесть часов. На большее загадывать не стоило, да и в ближайшие планы жизнь постоянно вносила коррективы. Коронавирус, издавек казавшийся чем-то вроде гриппа, при ближайшем рассмотрении оказался той еще бякой. Помимо легких, он поражал другие органы, портил стенки сосудов, выводил из строя эритроциты, нарушал свертываемость крови и делал все это не по-джентльменски. Если при пневмониях, вызванных другими возбудителями, состояние пациентов ухудшалось постепенно, то коронавирус буквально обрушивал состояние. Лежит пациент спокойно, разговаривает, дышит самостоятельно, но вдруг вздрогнет, закроет глаза и перестанет дышать... Все, приехали. Реанимационное пособие в девяти случаях из десяти оказывалось неэффективным.

– Восемь врачей на двадцать четыре койки? – удивилась Елена в самом начале работы мужа в больнице. – Хорошо живете!

– По-хорошему надо было бы двенадцать, – ответил Данилов. – Опять же, хорошо, если из этих восьми хотя бы половину составляют реаниматологи, а то ведь бывает так, что спецов всего трое, если и меня посчитать, а остальные – с бору по сосенке, кто из неврологической ординатуры, кто из приемного покоя, но хуже всего, если инфекционисты.

– Хуже? – переспросила Елена. – Или я ослышалась.

Данилов общался с женой по скайпу из своего кабинета, за дверью которого кипела шумная больничная жизнь, поэтому разговаривать можно было свободно – из коридора никто не

подслушает, это вам не гостиница. Так что можно было выразить свое мнение об инфекционистах без купюр, что Данилов и сделал.

– Будь моя воля, я бы двух инфекционистов менял бы на одного непрофильного ординатора, – сказал он. – Инфекционисты считают, что они тут самые главные – заболевание-то инфекционное. Но далеко не каждый инфекционист хорошо разбирается в вирусологии. Если человек двадцать лет проработал в отделении кишечных инфекций, то что он может понимать в лечении вирусных пневмоний?

– Ничего.

– Вот и я о том же, но он же дает советы, вмешивается в назначения, спорит, пытается что-то доказать. Он же – инфекционист! Профи! А даже если и вирусолог, то что с того? Заболевание-то совершенно новое, неизученное, все рекомендации сырые. Ориентируемся на текущий момент и додумываем на ходу. Никакой вирусолог, будь он даже семи пядей во лбу, не может дать точный прогноз по пациенту. Но он же вмешивается... Короче говоря, я установил в отделении диктатуру, которую один товарищ назвал «культом личности». Самый главный – это я и все мои распоряжения в Зоне выполняются беспрекословно. Обсуждения, разъяснения, дискуссии – это после смены. На втором уровне стоит старший реаниматолог смены. Его распоряжение могу отменить только я, остальные должны повиноваться. Третий уровень – это врачи-реаниматологи, распоряжения которых обязательны для приданных врачей.

– А что реально делают приданные врачи?

– Я ж тебе только что объяснил! – усмехнулся Данилов. – Выполняют распоряжения старших товарищей. Наблюдают за пациентами, ассистируют при манипуляциях, общаются с отделениями, заполняют документацию... Мне повезло, – Данилов изобразил пальцами двух «зайчиков», символизирующих кавычки, – среди приданных врачей есть доцент-хирург, золотой скальпель нашей больницы, инфекционист с тридцатилетним стажем и бывший заведующий приемным отделением, которого сняли с должности накануне перевода больницы «на корону». Оцениваешь?

– Сочувствую, – Елена вздохнула и покачала головой. – А с реаниматологами все о'кей?

– Да, с ними все о'кей, – соврал Данилов, чтобы не расстраивать жену и не чувствовать себя нытиком.

С реаниматологами тоже хватало сложностей. Данилов представлял себе свою «фронттовую» жизнь немного иначе. Он думал, что ему дадут руководить каким-то новым реанимационным отделением, которое будет создано в дополнение к уже имеющимся. Но вышло иначе. Незадолго до принятия решения о перепрофилировании восьмьдесят восьмой больницы на лечение пациентов с коронавирусной инфекцией, заведующий отделением реанимации и интенсивной терапии по-крупному разругался с заместителем главного врача по анестезиологии и реаниматологии. Формальным поводом считались какие-то рабочие проблемы, но настоящей причиной была заведующая лабораторией Анна Алексеевна Богуславская, первая красавица больницы. У Богуславской был длительный служебный роман с бывшим заведующим отделением Симирулиным. Роман уже выходил на новый уровень – заведующий развелся с женой и сделал Боуславской официальное предложение – когда в больнице появился новый заместитель главного врача по аэр, сорокалетний, симпатичный и одинокий. Он сразу же обратил внимание на Богуславскую, а она на него. Заведующий остался, что называется, на бобах – одну семью потерял, другую не обрел. Разумеется, по уму ему следовало бы обижаться на Богуславскую, которая сподвигла любовника на такой ответственный поступок, как развод, не будучи уверенной в крепости своих чувств к нему. Но заведующий обиделся на своего нового начальника и начал воспринимать в штыки все его указания, а на любые замечания отвечал в стиле: «вы бы лучше на себя посмотрели бы». Дело закончилось увольнением Симирулина по собственному желанию.

Уволившегося заведующего обычно замещал доктор Дерун, которого и назначили исполнять обязанности, но потом заменили на Данилова. Данилов к этим кадровым хитросплетениям никакого отношения не имел. Он подал в департамент заявление, в котором выразил желание на время борьбы с пандемией работать в практическом здравоохранении, и пошел туда, куда его назначили. А получилось так, что вроде бы сместил Деруна, работавшего в этом отделении с момента окончания ординатуры. Поговорили при знакомстве друг с другом вроде бы хорошо, по-мужски, но Данилов чувствовал, что осадочек у Деруна все же остался, и оттого чувствовал себя неловко.

Боевой клич, брошенный департаментом по всем медицинским учреждениям столицы, привел в отделение доктора Пак, знойную тридцатипятилетнюю женщину, которая когда-то давно начинала в этом отделении, но, как она выражалась, не прельстилась прелестью реанимационной работы. Пак переквалифицировалась в маммологи и ушла в коммерческое здравоохранение. С началом карантина центр, в котором она работала, закрылся и оставшаяся не у дел Пак вернулась туда, откуда когда-то ушла. Как специалист она была так себе – ни рыба, ни мясо, но на фоне приданных врачей выглядела очень хорошо, особенно в такой ситуации, когда приходится работать по принципу «не до жиру – быть бы живу». Данилова беспокоило другое. На лбу у Пак большими огненными буквами было написано «ХОЧУ ЗАМУЖ» и любого дееспособного мужчину, который оказывался в ее поле зрения, она рассматривала как кандидата в мужья. Наличие у кандидата семьи не смущало – долго ли развестись? К Данилову Пак проницалась особо сильно и буквально изводила его игривыми намеками и прочими проявлениями любви. То прижмется, вроде бы невзначай, то декольте предъявит на обозрение, то скажет: «лучше бы обняли, вместо того, чтобы поучать», то присядет за стол к Данилову в столовой и начнет рассказывать о своих достоинствах, да так откровенно, что уши краснеют.

– Ты, Ирка, ведешь себя как последняя б...дь! – сказала однажды Пак доктор Мальцева. – Вешаешься на всех без разбора, смотреть противно!

– Противно – отвернись! – огрызнулась Пак. – У меня, может, сейчас последний шанс и лебединая песня. В маммологии с женихами также плохо, как у тебя с приличными манерами.

О состоянии пациентов по телефону полагается отвечать лаконично. Лежит или выбыл, состояние такое-то. Все остальное – при личной встрече с близкими родственниками пациентов, после проверки документов, подтверждающих родство. Абы кому информацию медицинского характера закон разглашать запрещает. Но если звонил перспективный мужской голос, то есть – не старик и не подросток, доктор Пак вываливала о пациенте подробную информацию, несмотря на неоднократные замечания Данилова. И еще оправдывалась – я, мол, поступаю так из чистого гуманизма. Встречи родственников с врачами сейчас сведены к минимуму, а люди же беспокоятся. «П...да твоя беспокоится!», комментировала оправдания Пак доктор Мальцева. Данилов не вредничал, он просто соблюдал закон о сохранении врачебной тайны.

А еще Пак, несмотря на многократные предупреждения администрации и подписанное обязательство о неразглашении служебных тайн, самовольно дала интервью своей подруге, работавшей в газете «Резоны и казусы». Много лишнего не наговорила, но Данилов по этому поводу имел неприятный разговор с главным врачом (с самой виновницей главный встретиться не пожелал – не его уровень), а Пак устроила ему истерику.

– Я не сделала ничего плохого, – рыдала она. – Люди должны знать правду, которую от них скрывают!

Данилов и сам не любил, когда ему указывали на то, что можно говорить, а что нельзя за рамками соблюдения врачебной тайны, но понимал, что сейчас, когда из любой мелочи раздувают слона и пугают им людей, информационные потоки лучше ограничить, во избежание паники и ее последствий.

Закончив рыдать, Пак ринулась в атаку.

– Вы все время ко мне придираетесь, я же вижу. Зачем? За что? Если я вам нравлюсь, так и скажите, не мучайте меня!

«Кто кого мучает – это еще вопрос», подумал Данилов, но крик истерзанной женской души оставил без ответа.

С безбашенной доктором Мальцевой Данилов несколько дней пытался найти общий язык, а потом махнул рукой – бесполезно. Чтобы Мальцева не комментировала все происходящее в своем уникальном стиле, ее нужно было усыпить. Увещевания и объяснения по поводу того, как важен хороший микроклимат в коллективе, на Мальцеву не действовали. Больной человек, ну что с нее взять. Сотрудникам, которые жаловались ему на Мальцеву, отвечал: «Я терплю и вы терпите, не обращать внимания – лучший вариант». Но не всегда же получается не обращать внимания, если тебя, врача высшей категории, во всеуслышание «рукожопым пен-тюхом» называют потому что ты пациента не смог заинтубировать с первой же попытки. Кстати говоря, по части манипуляций Мальцева была корифеем, мастером высшего дана. Толстякам с короткой шеей вставляла трубки в трахеи, что называется, «с размаха», точно также ставила катетеры и делала все остальное. Оттрубив несколько смен подряд, выглядела как огурчик. Но самым большим ее достоинством было врачебное чутье – умение видеть, помноженное на опыт. Все знали, что если Мальцева против перевода пациента в отделение, то пациента надо задержать еще на сутки и понаблюдать, потому что Мальцева зря не скажет. Вот еще бы вместо «эй вы, му...лы грешные, оставьте Коростылева до утра» говорила «дорогие коллеги, давайте отложим перевод Коростылева»...

После обдумывания плана на ближайшее будущее, Данилов приводил себя в порядок и готовил в прихваченной из дома кофеварке кофе, который выпивал, подписывая бумажки, принесенные старшей медсестрой. Ночевать в кабинете было выгодно и тем, что получалось поспать на полчаса больше.

Дав старшей сестре необходимые указания, Данилов звонил в отделение и узнавал от старшего реаниматолога свежие новости. После этого начиналась административная видеоконференция, которую проводил главный врач или кто-то из его заместителей. Данные по городу, данные по больнице, данные по отделениям, планируемые переводы... Как говорится – пусть мир рушится, а сводки должны быть составлены и отправлены.

У особых условий было одно веское преимущество перед условиями обычными – врачей ничто не отвлекало от работы. Не было проверок, сменяющих друг друга, не было учений, не было субботников и разного рода собраний-заседаний, практическая ценность которых близка к нулю.

После видеоконференции Данилов отправлялся в отделение. По дороге мог вывесить какую-нибудь информацию на доске объявлений. В нынешних условиях, когда собрать всех сотрудников вместе невозможно, письменный способ передачи информации стал у Данилова главным, несмотря на то, что раньше он предпочитал устный.

Сложный, если не сказать – вредный характер старшей медсестры Гайнулиной гармонично сочетался с невероятными административными способностями. Гайнулина все подмечала, всех строила, все у нее было как положено и все делалось вовремя. Данилова это невероятно радовало потому что при такой медсестре заведующий может заниматься только своим главным делом – организацией лечебной работы, не отвлекаясь на тысячу сопутствующих дел. Он был уверен, что Гайнулина стоит в резерве на главную медсестру и сильно удивился, узнав, что это не так.

– Анька меня не любит, – объяснила Гайнулина, имея в виду главную медсестру больницы Анну Геннадьевну Цыпышеву. – Конкуренции боится. Поэтому и придирается ко мне больше, чем к другим. Да и что толку в этом резерве? Замещать на время отпуска ставят из резерва, а назначают на должность совсем по другим соображениям.

Появившись в отделении, Данилов первым делом оценивал обстановку – все ли на месте, а затем сразу же приступал к обходу. Медлить было нельзя, поскольку утренний обход заведующего совершался с участием тех, кто уже отработал свое, а шесть часов в Зоне, да еще – ночных, да еще «второсменных», это не шутка. Люди еле стоят на ногах и мысли у них сейчас только о душе, туалете, холодной питьевой воде и сне.

Обходы Данилов проводил по своему методу, за который на кафедре ему бы вкатили выговор, потому что по правилам во время обхода должна кратко излагаться информация о пациенте. Возраст, диагноз, лежит такой-то день, ночь провел спокойно, состояние такое-то, сегодня готовится к ультразвуковому исследованию органов брюшной полости, получает такие-то препараты... Данилов же требовал доклада по сокращенной программе – о новых только самое важное, а о «старожилах» только то, что изменилось за ночь, если ничего не менялось, можно сказать «стабилен» и пойти дальше. По завершении этого обхода, который правильнее было бы называть «облетом», Данилов благодарил отработавших и отпускал их. Затем начинался новый обход – обстоятельный, с подробным разбором каждого пациента, коррекцией лечения, если таковая требовалась, и определением кандидатов на перевод. В первое же свое дежурство доктор Пак с таким видом, будто предлагала нечто невероятно умное, предложила разбить восемь врачей на пары и дать каждой паре по четыре койки (три основных и одну резервную), чтобы врачи могли «как следует вникать» в своих пациентов. Данилов на это ответил, что вникать надо в каждого пациента отделения и что практика предложенного разделения в корне порочна. В реанимационном отделении все врачи занимаются всеми пациентами, равномерно распределяя нагрузку между собой. Короче говоря, если тебе в начале дежурства поручили наблюдать за четырьмя пациентами из двадцати четырех, то это не означает, что ты освобождаешься от других дел. Если в соседнем отсеке возник аврал, а у тебя все спокойно – изволь помогать, если сосед принимает пациента у скорой – бери его койки на себя. Разумеется, некое изначальное распределение коек присутствовало, но проводилось оно иначе. Старший реаниматолог смены отвечал за все отделение. Другие реаниматологи условно делили между собой койки, а приданные врачи использовались «вкруговую» по всему отделению, без разбивки по участкам.

Еще до начала поступления пациентов, во время первого и единственного общего собрания, Данилов сказал врачам:

– Я прекрасно понимаю, что многим из тех, кто придан нам для усиления, реанимационные навыки на профессиональном уровне в дальнейшей жизни не пригодятся. А еще я знаю, что для приобретения этих навыков на более-менее сносном уровне нужно, как минимум, полгода практики. Так что, давайте договоримся следующим образом. Кто хочет что-то освоить – милости просим упражняться под чутким руководством старших товарищей. Все покажем и всему научим. Кто не хочет, пусть занимается другими делами – принимает, описывает, наблюдает, переводит. Если приданный врач не владеет методикой какой-то манипуляции, он должен без стеснения звать на помощь реаниматолога, а реаниматолог должен без ворчания эту помощь оказать. Приданных буду карать за то, если они полезут делать то, что не умеют и причинят пациентам вред, а реаниматологов – за отказ помочь или же за проявление недовольства при этом. Всем все ясно?

– Мне одно неясно! – сразу же встряла Мальцева. – Мы теперь как будем называться? Первое реанимационное отделение или детский сад имени Мери, мать ее, Поппинс?

– Я бы посмотрел на вас в операционной! – взвился доцент кафедры факультетской хирургии и ведущий абдоминальный хирург восьмидесят восьмой больницы Стахович. – Вы же аппендэктомию нормально провести не сможете, не говоря уже о чем-то более сложном!

– Засуньте вашу хирургию в ж...у поглубже, здесь реанимация!

– Коллеги, давайте жить дружно, – попросил доктор Дерун.

– А что она сразу про детский сад?! – Стахович, что называется, вошел в раж. – Почему она позволяет себе такие намеки?!

И тут доктор Мальцева сделала то, чего от нее никто не мог ожидать. Она приветливо улыбнулась Стаховичу и столь же приветливым тоном спросила:

– Не кажется ли вам, уважаемый Владимир Князевич, что говорить о присутствующих «он» или «она» не очень-то вежливо?!

Даже у Данилова, считавшего себя человеком, которого трудно чем-то удивить, нижняя челюсть слегка отвисла. Стахович же смотрел на Мальцеву так, будто она превратилась в Медузу Горгону – лицо окаменелое, взгляд остекленевший.

– Если же вы, Владимир Князевич, забыли, как меня зовут, – столь же елейно продолжала Мальцева, – то могу напомнить, что я – Светлана Евгеньевна. Ты понял, козел колченогий?

Последнюю фразу Мальцева произнесла своим обычным нагловато-вызывающим тоном. Стахович, который слегка прихрамывал на левую ногу, побагровел и пригрозил:

– Я на вас в суд подам, за оскорбление чести и достоинства! В свидетелях недостатка не будет!

– Как можно оскорбить то, чего нет?! – деланно пожала плечами Мальцева.

После «большого» обхода врачи начинали заниматься пациентами, а Данилов брал истории болезни наиболее тяжелых пациентов, садился где-нибудь в уголке и еще раз «прогонял информацию» через мозг, пытаясь найти ошибки и недочеты. Тяжелые пациенты в большинстве своем находились на инвазивной искусственной вентиляции легких, то есть вентиляция проводилась через трубку, вставленную в трахею. Вентиляция же через маску называется неинвазивной. Кроме этого, кислород можно подавать и через вставленные в нос трубочки, но при низком насыщении крови кислородом, от трубочек в носу пользы не будет – нужна более интенсивная подача в плотно прилегающую к лицу маску.

В отделении было десять аппаратов искусственной вентиляции легких и пять «наркозников» – наркозно-дыхательных аппаратов, которые можно было использовать как для дачи наркоза, так и для вентиляции. «Наркозники» пребывали в резерве, поскольку они были менее удобными в работе, чем обычные аппараты ИВЛ.

Данилов часто вспоминал, как во время одной из утренних конференций, главный врач призвал заведующих реанимационными отделениями «в обязательном порядке обеспечивать нагрузкой» всю дыхательную аппаратуру, а то, чего доброго, простаивающие без дела аппараты могут и в другие стационары перекинуть.

Обычно Данилов пропускал изрекаемые начальством глупости мимо ушей, но это была не просто глупость, а суперглупость. Что значит «в обязательном порядке обеспечивать нагрузкой»? Подключать к аппаратам тех, кто не нуждается в искусственной вентиляции легких? Даже врач-статистик должен понимать абсурдность подобного требования. Как-то неловко вступать в дискуссию с главным врачом во время общей конференции, да и время поджигает – в отделение идти нужно. Но в свободную минуту Данилов позвонил заведующему третьим реанимационным отделением Домашевичу и поинтересовался, как тот собирается выполнять указание главного врача.

– Шеф избегает говорить прямо о скользком, – объяснил Домашевич. – Вы же ежедневно отчитываетесь о том, сколько пациентов у вас на ИВЛ? Вот и пишите по числу аппаратов, максимум – за минусом двух. Вам без разницы, а шефу приятно. Его же тоже понять можно. Департамент одной рукой дает, а другой отбирает.

Данилов махнул рукой и первый раз в жизни начал сознательно искажать статистику. В Севастополе, во время руководства станцией скорой помощи и департаментом здравоохранения ни разу ничего подобного не делал и от подчиненных требовал не «жонглировать» цифрами. А тут уступил. Чем черт не шутит – вдруг и вправду заберут несколько аппаратов? Нет уж, мы лучше цифрами пожонглируем, чем людскими жизнями.

Но вот требование главного врача о постоянном стопроцентном заполнении реанимационных отделений Данилов наотрез отказался выполнять. Главного и тут можно было понять – реанимационные койки самые дорогие, то есть за лежащего в реанимации пациента больница получает от страховой компании больше денег, чем за пациента, находящегося в обычном отделении. Но здесь в первую очередь нужно учитывать интересы самих пациентов и специфику работы реанимационных отделений.

Пациентам, находящимся в сознании, тяжело пребывать в реанимационном отделении. Здесь не только шумно и неудобно, но и страшно. Смотришь, как на соседней койке умирает человек и думаешь: «а ведь и со мной такое может случиться». Так что, как только пациент созревает до перевода в обычное отделение, его сразу же нужно переводить. Пусть долечивается в отдельной палате с небольшим количеством соседей, пусть ночью спит, а днем смотрит телевизор, ну и вообще пусть возвращается к нормальной жизни. Это первое. И второе – новые пациенты продолжают поступать. «Скорая» привозит, из отделений переводят. Если искусственно держать все койки, включая и резервные, занятыми, то при каждом поступлении придется срочно организовывать чей-то перевод в отделение, чтобы высвободить койку для новичка. К чему осложнять себе и пациентам жизнь такими авралами? Новичку оказывают помощь прямо на каталке, потому что его некуда положить, а старожилы экстренно собирают в дорогу... Нет, лучше уж делать все, как положено. Главный сказал, что его удивляет отсутствие административного мышления у человека, который руководил департаментом здравоохранения крупного города, но настаивать на своем не стал. По-разному бывало. Иногда на двадцати восьми койках тридцать пациентов лежало (приходилось со склада кровати привозить и ставить их на проходе), а иногда и четырнадцать. Нагрузка – это лотерея.

Закончив обдумывание тактики ведения тяжелых пациентов, Данилов начинал «сеансы психотерапии», так его общение с пациентами называла доктор Мальцева, и спасибо, что так, а не как-нибудь хуже.

Удушье – пугающее состояние. Испытывая нехватку воздуха, человек впадает в панику. Даже тот, кто внешне спокоен, в глубине души паникует. Вдобавок, вокруг ходят не обычные люди, а какие-то условные «инопланетяне» в комбинезонах, очках и респираторах. Пациент, который находится на инвазивной «трубочной» вентиляции, усыпляется, потому что с трубкой в трахее в сознании лежать очень тяжело, а при неинвазивной «масочной» вентиляции пациент пребывает в сознании, все видит, все слышит и все понимает... И, конечно же, сильно нервничает. Хорошо бы вколоть ему что-нибудь успокоительное, да вот беда – практически все успокаивающие и усыпляющие препараты оказывают угнетающее воздействие на дыхательную функцию. Когда в трахею вставлена трубка, тут уж, как говорится, деваться некуда, да и дыхание уже получается полностью искусственным, насильственным, осуществляемым аппаратом. А «масочники» дышат самостоятельно. В плане отдаленных последствий «масочная» вентиляция предпочтительнее «трубочной» – меньше проблем решать приходится, но «масочники» требуют больше внимания. С ними нужно поговорить, приободрить, сказать что-то обнадеживающее, анекдот рассказать, наконец. Перспективы пациентов зависят не только от их физического состояния, но и от психического. Иной раз дело доходило до того, что пациент срывал маску, вскакивал и пытался куда-то убежать. Во избежание подобных случаев Данилов советовал сотрудникам побольше общаться с пациентами и всячески их успокаивать, а сам подавал пример. Когда же однажды доктор Пак сказала про пациента: «Я его перевела с маски на трубку потому что он меня достал», Данилов с несвойственной ему резкостью ответил, что при повторении подобного он переведет Пак в приемное отделение, потому что она его тоже достала. Трубка в трахее – это всегда травма, а естественное дыхание с добавлением кислорода более благоприятно, чем искусственное... Если же ты, ради своего спокойствия, готова причинить пациенту ненужный вред, то иди-ка куда подальше – в приемный покой или куда-то еще.

Общение с пациентами осложнялось тем, что почти все они лежали на животе, в так называемой прон-позиции, относительно которой вот уже сорок с лишним лет шли споры – улучшает она насыщение крови кислородом или нет? Считалось, что улучшает, но вот научное объяснение этого улучшения подвергалось критике. Великий и ужасный коронавирус расставил все по местам – пациенты с выраженным поражением легких сами выбирали положение лежа на животе, потому что так им было легче дышать.

Стоя с тем, кто лежит на животе, разговаривать неудобно, поэтому Данилов брал стул и присаживался рядом с койкой. Если посмотреть со стороны, то впечатление было странное – работа кипит, все заняты делом, а заведующий отделением пациентам байки травит. Но смотреть со стороны было некому. Руководство предпочитало не соваться в реанимационные отделения, в которых коронавирусы властвовали безраздельно. Даже в защитном обмундировании начальству в Зоне было неспокойно. Непосредственный начальник Данилова – заместитель главного врача по аэр Бутко – появился в Зоне только в первый день работы, а дальше осуществлял руководство из кабинета. Надо сказать, что Данилова и других заведующих реанимационными отделениями такое положение дел полностью устраивало. Начальство должно создать условия для работы, обеспечить всем необходимым и не мешать работать. Если же заму по аэр захочется посетить какое-то отделение, то пусть лучше в лабораторию сходит, с любимой женщиной пообщается.

Высоких гостей, вроде столичного мэра или директора департамента по реанимационным отделениям тоже не водили. Их вообще не заводили в Зону, а когда один из заместителей министра здравоохранения пожелал сказать пару слов журналистам в палате и пообщаться с пациентами («глядите, какой я смелый – я не передовой!»), палату в два счета организовали в холле главного корпуса. Прикатали четыре койки, на которые самоотверженно улеглись заместитель главного врача по гражданской обороне Болбатовский и три находившихся поблизости охранника. Из мониторов и аппарата ИВЛ создали нужный фон, а заместитель главного врача по организационно-методической работе Яковлев блестяще сыграл роль лечащего врача, который дополнял ответы «больного» Болбатовского на вопросы заместителя министра. Красота-лепота, Тарантино бы оценил.

Общаясь с пациентами Данилов то и дело поглядывал по сторонам – наблюдал обстановку, в глубине души радуясь тому, что работа в его отделении организована правильно, без суеты. Поднимающие настроение анекдоты Данилов рассказывал только пациентам, но один анекдот рассказал сотрудникам на первом общем собрании, ради создания правильной рабочей обстановки в отделении.

Зовет султан вечером главного евнуха и велит привести к нему из гарема одну из наложниц. Евнух бежит в гарем, волнуется, суетится, приводит наложницу в надлежащий вид и ведет к султану. Спустя час султан требует другую наложницу, еще через час – третью и так до самого утра. Явившись за последней наложницей, евнух, от усталости едва стоящий на ногах, видит султана бодрым и несколько не утомленным. «О, великий султан, – удивляется евнух. – Вы полны сил, несмотря на то, что всю ночь занимались делами, которые утомляют. А я раз в час бегал туда-сюда, но при этом невероятно устал...». «Устают не от работы, а от суеты», ответил на это султан.

Немного суеты, несмотря ни на что, создавала доктор Семенова, инфекционист с тридцатилетним стажем, которой специализация по кишечным инфекциям не мешала замечательно (по ее собственному мнению) разбираться в вирусологии и ковидной инфекции. Но у взбалмошной Марины Георгиевны имелось одно ценное качество. Она всю жизнь проработала в больнице, славившейся на всю Москву царившим там бардаком. Менялись главные врачи и заведующие отделениями, социалистический строй сменился капиталистическим, кризисные периоды сменялись тучными годами и наоборот, но бардак оставался. Каждый анализ, каждое исследование, каждую консультацию лечащим врачам приходилось выбивать с боем – звонить,

просить-умолять, требовать-угрожать. Если просто напишешь заявку, не предприняв никаких дополнительных мер, будешь ждать исполнения до морковкина заговения. Проработав тридцать лет в таких условиях Семенова стала Мастером-выбивателем с большой буквы, демоном, ввергавшим в трепет нерадивых, неторопливых и забывчивых. Услышав раз, как Семенова разговаривает с заведующей лабораторией Богуславской по поводу затерявшегося где-то анализа, Данилов по окончании смены пригласил ее в свой кабинет, угостил чашечкой кофе и проникновенно сказал:

– Я не восхищен, а просто потрясен вашим умением строить все больничные службы, Марина Георгиевна. Мне невероятно повезло с вами. Могу ли я попросить вас взять на себя взаимодействие со службами?

Семенова растаяла и согласилась. «Какой ты Вова молодец! – хвалил себя Данилов. – Прямо Макиавелли какой-то. Одним выстрелом двух зайцев убил – не только нейтрализовал взбалмошную дуру, но и к делу пристроил».

Отделаться от Семеновой отговорками вроде «у меня много дел» или «подождите, не все же сразу» было невозможно. Если ей не давали требуемого сейчас же, она звонила на ступеньку выше, постепенно доходя до начмеда Ольги Никитичны. Как-то раз Ольга Никитична отчитала Семенову за то, что она своими «пустяками» отвлекает высокое начальство от важных дел. Спустя полчаса Ольге Никитичне позвонили из департамента и поинтересовались, почему она не предпринимает никаких мер по устранению недостатков в работе больничной лаборатории. Ольга Никитична взъерилась настолько, что не стала вызывать Данилова и Семенову к себе, а сама явилась к Данилову, которой в тот момент находился не в Зоне, а в своем кабинете.

Пожелания разгневанной Ольги Никитичны колебались между строгим выговором и увольнением по инициативе администрации. Данилов дал ей выговориться и отдышаться, а затем посоветовал применить меры к заведующей лабораторией Богуславской, внешние данные которой совершенно не коррелировали с умственными и административными способностями. Семенову же лучше оставить в покое, иначе завтра позвонят из Минздрава, а послезавтра – из Администрации Президента. Да и как вообще можно уволить сотрудника, тем более, приданного в помощь во время пандемии, за то, что она старательно выполняет поручение заведующего отделением? Ольга Никитична, будучи женщиной умной, согласилась с Даниловым.

Юлиан Трианонов в своих опусах называл Семенову «Гарпиевной». Метко, ничего не скажешь. В последние дни Данилову почему-то начало казаться, что под псевдонимом Трианонов скрывается доктор Пак. Даже мысль какая-то по этому поводу вертелась в голове, но ловить ее за хвостик и додумывать не было ни времени, ни желания.

До десяти часов утра непременно случалось какое-то чепе, это уж к гадалке не ходи. Коронавирус оказался не просто коварным, а невероятно коварным. Ты уже мысленно записал пациента в выздоравливающие, компьютерная томография показала обратное развитие воспалительного процесса в легких, пациент с живота перевернулся на спину, дышит хорошо, насыщение крови кислородом близко к нормальному, как вдруг монитор начинает тревожно верещать и показывает прямую линию – остановка сердца. При более мягком развитии событий «выздоровливающий» вдруг начинал задыхаться и его снова приходилось переводить на искусственную вентиляцию легких.

Первое сегодняшнее чепе устроил идиот Стахович. «Масочный» пациент захотел выпить воды. Вместо того, чтобы напоить его через трубочку от капельницы, просунутой под маску, Стахович позволил пациенту перевернуться с живота на бок и снять маску. Пациент тут же начал задыхаться, впал в панику, пришлось втроем его придерживать, чтобы надеть маску и сделать инъекцию успокаивающего препарата, не очень-то желательного при коронавирусной пневмонии, потому что все, что успокаивает, одновременно, в какой-то степени, угнетает дыха-

тельную функцию. Ну а что поделаешь? Паническое состояние опаснее, чем небольшое угнетение дыхания.

Стаховича Данилов отчитал прямо на сестринском посту, несмотря на то, что это было не очень этично и противоречило даниловским принципам. Врача при сестрах и санитарках не «лечат», чтобы не подрывать его авторитет. Но Стаховичу уже не раз было сказано, что маску без крайней на то нужды снимать нельзя, поскольку у ковидных пациентов сатурация (так по-научному называется насыщение крови кислородом) падает моментально. Он же ходит по отделению и видит, как пациенты тянут через трубочки воду или питательный раствор... Почему же он позволил пациенту снять маску? На самом деле даже не просто позволил, а спровоцировал на снятие, поскольку протянул «масочнику» бутылочку со снятой крышечкой, а не трубочку, конец которой опущен в бутылочку. Может, выговор, сделанный на глазах у сестер, подействует на Стаховича? Вот уж ситуация, так ситуация – «ни в ум привести, ни уволить, ни расстрелять», как говорит жена.

Снова ничего не вышло, потому что Стахович относился к людям, которым хоть кол на голове теши – они будут гнуть свое.

– Я считаю всю эту вашу затею с трубочками крайне негигиеничной, – отчеканил Стахович с такой яростью, что слова его разнеслись по всему отделению, несмотря на заглушающий речь респиратор. – Пока вы просовываете трубочку под маску, ее конец загрязняется микробами, находящимися на коже. Особенно интенсивно микробы размножаются на участке прилегания маски к коже. Такой, с позволения сказать, «помощью» вы только провоцируете вспышки кишечных инфекций! Кишечная палочка, к вашему сведению, обитает не только в толстой кишке, но и на коже. Вот Марина Георгиевна не даст соврать!

– Обитает, дрянь такая, обитает, – охотно подтвердила Семенова. – Где она только не обитает!

Свояк свояка видит издалека. Стахович и Семенова сразу же прониклись симпатией друг к другу, словно два аристократа, волею судьбы-злодейки оказавшиеся среди плебеев.

– Давайте, Владимир Князевич, продолжим этот разговор после смены в моем кабинете, – предложил Данилов.

– Я думаю, что по этому важному вопросу нужно устроить собрание, – не сдавался Стахович. – Если пациент не может даже полминуты обойтись без маски и если ему вообще нельзя двигаться, то он должен переводиться на полноценную ИВЛ! На полноценную, с интубацией трахеи, парентеральным питанием³ и внутривенным введением жидкости! Надо делать все правильно, на не выдумывать «способы»!

«Какой ты умный! – «восхитился» Данилов. – Настоящий доцент!».

От раздражения в области затылка начала разливаться ноющая боль, следствие давней травмы, полученной во время работы на «скорой». «Коронавирус пришел из Китая, и по голове меня ударил тоже китаец», нетолерантно подумал Данилов. А что толку раздражаться? Сам виноват – нарушил неписаное правило, сделал подчиненному выговор при зрителях и при зрителях же получил сдачи. Неписанные правила, в отличие от писанных, никогда не бывают глупыми, потому что их создает жизнь.

Друг Полянский как-то объяснил Данилову, почему у англичан не принято разговаривать с попутчиками. Даже не то, чтобы не принято, а просто запрещено светскими правилами. Причина не в пресловутом английском снобизме, как можно подумать, а в том, что разговоры с незнакомыми людьми в небольшой стране, где все знакомы друг с другом через одно-два рукопожатия, неизбежно выльются в поиск общих знакомых и в сплетни о них. Сплетни же могут стать причиной порчи отношений. Ты сказал, а ему передали. Обида, вызов на дуэль,

³ Так называется способ введения питательных веществ в кровяное русло (через вены).

пуля в сердце или шпагой в печень... А началось все с невинного: «Не правда ли сегодня хорошая погода, сэр?».

Стахович, явно сказал не все, что хотел сказать, но Данилова спасла Пак. Она подхватила доцента под руку и сказала:

– Владимир Князевич, миленький, нам с вами пора на контрольный обход.

Контрольные обходы пациентов проводились каждые два часа. Данилов следил за этим строго и того же требовал от старших реаниматологов. Не жди, когда монитор начнет верещать или когда пациент вскочит с койки и побежит в никуда. Хороший врач предотвращает осложнения, а плохой их купирует. Подойди к пациенту, посмотри на него и на монитор, проверь, не слетел ли с пальца «пульсик»,⁴ запиши на листочке основные показатели. И не надейся, что за тебя это сделает медсестра, у медсестер своих дел хватает.

Две «скорых», приехавшие одна за другой, сгладили неприятное впечатление от общения со Стаховичем. Работа – лучшее лекарство от раздражения и головной боли. Осматривая мужчину, которого привезли вторым, Данилов краем глаза заметил, как качает головой постовая медсестра. После выяснил, что ее удивила фамилия врача в сопроводительном талоне – Могила.

– А я с ним вместе работал, представьте, – сказал Данилов. – Давным-давно, на шестьдесят второй подстанции.

– Вот ведь времена настали, – вздохнула медсестра. – Встретишь коллегу и не узнаешь его, все на одно лицо стали. Интересно, сколько это будет длиться, Владимир Александрович? Одни говорят – месяц, другие – полтора или два года.

– Мне одна очень квалифицированная гадалка сказала, что все закончится к двадцатому июля, – серьезно сказал Данилов.

– Вот уж никогда бы ни подумала, что вы гадалкам верите! – удивилась медсестра.

– Это особый случай, Света, можно сказать – исключительный.

Гаданием с недавних пор увлеклась дочь Маша. Разорив родителей на кругленькую сумму, она обзавелась целой полкой книг по гаданию и пятью наборами гадательных карт. Теперь все свободное время проводила не у компьютера, а за книжками. Почитает – разложит пасьянс, почитает еще – разложит другой.

– Когда я советовал больше читать, я имел в виду совсем другое, – сказал жене Данилов. – Откуда вообще у нее эта тяга к мистике в нашей насквозь материалистической семье?

– Ну ты уж совсем того... – удивилась Елена. – Неужели не понятно, что девочка влюбилась. Какой же вы недогадливый, папаша.

– В наше время романы начинались класса с восьмого, а теперь – уже в начальной школе, – проворчал Данилов. – Куда катится этот мир?

На днях, во время общения по скайпу, Мария Владимировна с очень серьезным видом заявила, что три великих гадания дали одинаковый ответ – к двадцатому июля эпидемия самоликвидируется, все ограничения будут сняты и двадцать второго числа любимый папочка сможет отпраздновать свой день рождения в кругу семьи.

В полдень Данилов вместе с Деруном, старшим реаниматологом смены, осмотрели шестерых пациентов, которых планировали перевести в отделение. Все шестеро были стабильными и среднетяжелыми, то есть целиком и полностью готовыми к продолжению лечения в обычных отделениях. Двое настолько хорошо себя чувствовали, что пообещали отблагодарить, если их переведут в отдельные палаты. Данилов объяснил, что такой роскоши, как отдельные

⁴ «Пульсик» – сленговое название пульсоксиметра, прибора, измеряющего уровень насыщения кислородом капиллярной крови. Действие пульсоксиметра основано на том, что, поглощение гемоглобином (белком, содержащимся в эритроцитах) световых волн меняется в зависимости от насыщения его кислородом.

палаты, в настоящее время в больнице нет. Большинство палат двухместные, трех или четырехместные – редкость. И вообще, распределением по палатам занимаются отделенческие врачи.

– А вам, выходит, все равно, что с нами будет дальше, – резюмировал один из потенциальных благодетелей. – С глаз долой, из сердца вон.

Что-что, а с демагогами Данилов умел управляться.

– Именно так, вы совершенно правы, – ответил он и оставил пациента осмысливать услышанное.

«Потом еще была уха и заливные потроха», как выражается доктор Мальцева. В смысле – началась кутерьма по принципу «все сразу». Одна пациентка «уронила» давление, другая выдала остановку сердца, из второго отделения привезли невероятно тучного мужчину с низкой сатурацией и в придачу к этому доктор Пак, бежавшая к пациентке, поскользнулась и упала, да так неудачно, что у нее треснули «пуленепробиваемые» защитные очки.

Треснувшие очки – повод для удаления с поля, то есть – из Зоны. Выходи, разоблачайся, обрабатывай глаза и лицо... Данилов строго-настрого предупредил Пак, чтобы та непременно показала бы «персональному» врачу и два часа пробыла бы под его наблюдением. Удар головой о пол, даже и без потери сознания, чреват разными неприятными осложнениями.

«Персональными» называли врачей, оказывавших помощь тем сотрудникам, которым стало плохо в Зоне. Каким бы хорошим ни был защитный комбинезон, в нем все равно жарко и влажно, словить тепловой удар можно запросто, особенно на фоне повышенной физической активности. Давление может подняться или упасть, травма легкая может произойти. Если что серьезное, то сотрудника госпитализируют без вопросов, а для оказания амбулаторной помощи возле выходных шлюзов сидит два «персональных» врача, которым всегда есть, чем заняться.

Пак поклялась, что будет паинькой, и ушла, сопровождаемая постовой медсестрой, которую Данилов попросил довести ее до шлюза. Вдруг голова закружится, и она еще раз упадет.

Выйти из Зоны в два часа дня Данилов не смог, потому что из четвертого отделения привезли тридцатипятилетнюю женщину, резко ухудшившуюся по неясной причине. С причиной удалось разобраться к четырем, когда все мысли были только о душе, туалете и двухлитровой бутылке с водой, которая дожидалась его в персональном холодильнике, стоявшем в кабинете под рабочим столом, там, где по уму положено было стоять тумбе с ящиками. А что прикажете делать, если после перекройки больницы на «корону» заведующему достался совсем крошечный кабинетик? Стол встал, шкаф встал, диван встал, а для холодильника места уже не было – или на проходе его ставь, или под стол прячь. Данилов выбрал второе, тем более, что тумба с тремя ящиками была ему совершенно не нужна.

Разумеется, Стахович, покинувший Зону ровно в два часа дня, не стал дожидаться встречи с заведующим отделением – ушел в свой кабинет, находившийся на другом конце корпуса двумя этажами выше. Там можно отдохнуть с комфортом, в тишине и покое. Вот же счастье человеку – всю больницу перекроили сверху донизу, а его кабинет не тронули и остался он в чистой зоне незанятым. Данилов подозревал, что без вмешательства высших сил здесь не обошлось. Поговаривали, что главный врач ценит Владимира Князевича не только как блестящего хирурга, но и как благодарного человека, который, в обмен на покровительство, ежемесячно выплачивает главному дань. Слухам можно было верить, потому что Стахович демонстрировал уровень благополучия явно превышавший официальные возможности доцента кафедры факультетской хирургии – ездил на новеньком лексусе джи-икс, носил на запястье золотые часы, стоившие около миллиона рублей, а костюмы его стоили не менее ста тысяч. Эту калькуляцию Данилов узнал от Мальцевой, когда та на всю столовую разъясняла Пак, каким завидным женихом является доцент Стахович. А Пак возражала – кто его знает, может все благосостояние идет от салонов красоты, принадлежавших жене Стаховича? Но возражала как-то вяло, явно хотела, чтобы ее переубедили. Данилов поразился всеядности Пак.

Ну как можно иметь матримониальные виды на такого м...ка, как Стахович? Лучше уж в одиночестве, чем с таким «подарком судьбы».

Утолив жажду, Данилов раскрыл толстую тетрадь, лежавшую на его столе, и записал туда несколько наблюдений, сделанных за смену. Ковидная инфекция – заболевание новое, неведомое, изучаемое на ходу, в процессе работы. Каждый делился с коллегами тем, что ему удалось заметить. Впоследствии можно будет, объединившись с коллегами, написать руководство по «ковидной» реаниматологии.

Дневной «междусменок» тратился на обязательные для заведующего отделением дела – подписание очередной порции бумажек, общение с другими заведующими и заместителями главного врача, составление объяснительных... Сегодня, например, начмед потребовала объяснений по поводу того, почему первое реанимационное отделение израсходовало за прошедшую неделю больше тоцилизумаба, чем два других реанимационных отделения вместе взятые. Почему-почему, по кочану. Потому что сложилась такая ситуация, потому что было много тяжелых пациентов, которым был показан этот препарат. В историях болезни каждое назначение обосновано «от и до», но этого мало. Изволь объяснять начальству в письменном виде, что ты не верблюд и не крадешь из отделения дефицитные лекарственные препараты. Да и кому он нужен, этот тоцилизумаб, за пределами реаниматологии?

Объяснительную Данилов писал то и дело улыбаясь, поскольку вспомнил шухер, устроенный в Зоне доктором Семеновой по поводу тоцилизумаба. Этот препарат, подавляющий иммунную систему, при ковидной инфекции применяют в тех случаях, когда возникает опасность неадекватной, чрезмерной стимуляции иммунной системы, приводящая к распространению воспалительного процесса из легких по всему организму. Заканчивается это дело фатально. О том, как, когда и почему нужно назначать тоцилизумаб, объясняли во время онлайн-лекций, писали в методических указаниях, а сам Данилов вывесил на доску объявлений предельно ясный алгоритм применения этого препарата, который сам и составил. Битую неделю все только и делают, что обсуждают применение тоцилизумаба, как вдруг к появившемуся в Зоне Данилову подбегает доктор Семенова и вопит на все отделение, потрясая историей болезни:

– Смотрите, Владимир Александрович, что делают эти вредители – они снижают иммунитет у пациентов, вместо того, чтобы его повышать!

Когда люди, облаченные в защитные одежды, начинают смеяться, со стороны это выглядит не очень-то красиво – будто трясушка на них напала. Лиц-то не видно, эмоции непонятны, а звуки приглушаются респираторами. Да и вообще не положено медикам устраивать на глазах у пациентов «групповые посмеихунчики» (выражение доктора Пак). Но что делать, если сдержаться невозможно?

Закончив с объяснительной, Данилов решил выпить кофе, но тут желудок напомнил о себе и пришлось двинуть в столовую. Придя туда, Данилов понял, что надо было последовать первому желанию и сначала выпить кофе. Тогда бы не пришлось встречаться с доктором Пак, которая в момент появления Данилова уже вставала из-за стола. Разумеется, увидев любимого начальника, Пак взяла себе салат, уселась напротив и начала рассказывать о том, как она «извращается в кулинарном смысле» по выходным дням. Чтобы прервать эту нудную саморекламу, Данилов поинтересовался, как Ирина Романовна чувствует себя после падения. Вот лучше бы слушал про кулинарные извращения, потому что Ирина Романовна, несколько не смущаясь тем, что находится на людях, обнажила плечо, чтобы продемонстрировать синяк – единственный ущерб от падения (если, конечно, не считать треснувших очков). «Вот так и создаются легенды, – обреченно подумал Данилов, кося глазами по сторонам. – Завтра вся больница станет говорить о том, что у меня с этой дурой роман, а через неделю эта благая весть докатится до Елены».

За десять минут до начала второй полусмены к Данилову явился Стахович.

– Хочу сообщить, что на написал на вас докладную на имя главного врача! – торжественно объявил он. – Мы с вами явно не сработались, но я не намерен каждый день выслушивать незаслуженные упреки и глупые поучения. Тем более – на людях. Пусть лучше Валерий Николаевич разберется, кто из нас прав.

– Пусть разберется, – согласился Данилов, думая о том, что теперь-то он вправе требовать, чтобы Стаховича перевели в какое-нибудь другое отделение.

Вторая полусмена отличалась от первой лишь тем, что никто из пациентов не переводился в отделение. Большинство сотрудников считало, что вторую часть дежурства отрабатывать тяжелее, чем первую, а у Данилова все было наоборот – во вторую полусмену он, можно сказать, отдыхал, потому что основная часть дневной работы была уже сделана, а если вечер выдавался относительно спокойный, то можно было уйти пораньше. Сотрудники часто говорили:

– Владимир Александрович, шли бы вы спать, ей-богу, у вас же график другой...

Доктор Мальцева выражалась куда прямее:

– И что вы тут маячите перед глазами, как хрен с бугра? Ни днем, ни ночью покоя от вас нет! Идите уже домой, дайте нам слегка расслабиться.

«Домом» Мальцева называла гостиницу, расположенную в километре от больницы, в которой жила часть сотрудников, включая и ее саму.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.